

Злой король

Автор:

[Холли Блэк](#)

Злой король

Холли Блэк

Воздушный народ #2

Долгожданное продолжение международного бестселлера и бестселлера New York Times «Жестокий принц». Одна из самых ожидаемых книг 2019 года! Неповторимая история о смертной девушке, которая благодаря своему упорству, хитрости и коварству поднялась на трон мира фейри!

Джуд связала Кардана обещанием подчиняться ей, обещанием, которое продлится ровно год и один день. Теперь она главная фигура за тронем, которая дергает за ниточки и умело манипулирует королем. Но Джуд ввязалась в опасную игру фейри, не имея ни друзей, ни союзников. Подстегиваемая амбициями и целью выжить во что бы то ни стало, она плетет интриги и наносит молниеносные удары. Однако когда Джуд выясняет, что среди тех, кому она безоговорочно доверяла, появился предатель, а ее близким грозит опасность, ей приходится предпринять важный шаг и, возможно, даже изменить все правила игры. Тем более что Кардан оказался вовсе не таким слабым и безвольным королем, как думали все обитатели Фейриленда...

Холли Блэк

Злой король

Holly Black

The Wicked King

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Келли Линк, которая любит океан.

Книга 1

«И так скажи, я отвергаю

Его наветы и бесславье

И как смертельному врагу

Всегласно объявляю,

Что коли б мне судить,

Не нес бы он венца

Владыки Фейри и,

Мщенья заслуживши,

Не звался б нашим королем».

Майкл Дрейтон, «Нимфидия»

Пролог

Подняв тяжелый учебный меч, Джуд встала в первую боевую позицию – готовности.

«Привыкай держать на весу, – наставлял Мадок. – Ты должна быть достаточно сильной, чтобы бить, бить и бить без усталости. Первый урок заключается в том, чтобы обрести такую силу. Это больно, но боль сделает тебя сильной».

Таким был первый урок, который он преподавал после того, как убил ее родителей мечом, весьма схожим с тем, который она держала сейчас. Джуд тогда исполнилось семь лет – совсем еще ребенок. Теперь ей было девять, она жила в Фейриленде, и все переменялось.

Джуд уперлась ногами в землю. Переход из одной стойки в другую плавный, только ветер ерошил волосы. Первая позиция: меч вперед с наклоном в сторону для защиты тела. Вторая: эфес поднят высоко, клинок напоминает рог, идущий ото лба. Третья: рукоять к бедру, клинок обманчиво небрежно опущен вниз по направлению к противнику. И наконец, четвертая: рукоять снова вверх, к плечу. Каждая позиция позволяет легко перейти в атаку или защиту. Фехтование – те же шахматы. Предугадать ход противника и выставить блок, прежде чем тебя достанет сталь.

Но в эти шахматы играют всем телом. После такой партии остаются синяки, усталость, недовольство всем миром и собой.

А еще фехтование можно сравнить с ездой на велосипеде. Сколько раз она падала, учась кататься еще там, в настоящем мире. Постоянно сбитые, в струпьях колени; мама даже опасалась, что шрамы останутся на всю жизнь. Но Джуд сама снимала боковые колесики с велосипеда, с презрением отвергая безопасную езду по тротуару, в отличие от Тарин. Ей хотелось носиться по улицам так же быстро, как Виви, а если в рану попадал мелкий камешек – что ж, тогда папа вытаскивал его вечером пинцетом.

Джуд тосковала по своему велосипеду, но в Фейриленде их не было. Вместо велосипеда у нее появились гигантские жабы, хрупкие зеленоватые пони и стройные, быстрые, как тени, кони с дикими глазами.

А еще оружие.

Убийца родителей стал их приемным отцом. Генерал Верховного Короля Мадок хотел научить ее носиться верхом и биться насмерть. Какие бы удары ни обрушивала она на него, он только хохотал. Ему нравилась ее злость. «Огонь!» – так он ее называл.

Она нравилась себе такая, злая. Злость лучше, чем страх. Лучше злиться, чем постоянно помнить, что ты – смертная среди чудовищ. Да и боковые колесики никто больше не предлагал.

На другом краю площадки Тарин под руководством Мадока отрабатывала переходы из позиции в позицию. Тарин, как и Джуд, тоже училась искусству боя, но уязвимые места у нее были другие. Стойки у Тарин получались лучше, но спарринг, тренировочный бой, сестра терпеть не могла. И в защите, и в нападении она действовала одинаково предсказуемо, ее ничего не стоило втянуть в обмен ударами и поймать неожиданным приемом. И всякий раз, когда такое случалось, Тарин выходила из себя, словно Джуд не победила, а неверным шагом испортила плавное течение танца.

– Поди сюда, – позвал Мадок с другого края серебристой лужайки.

Положив меч на плечо, она направилась к нему. Солнце уже садилось, но фейри – сумеречные существа, их день и середину не прошел. Небо исчертили медные и золотые полосы. Джуд глубоко вдохнула воздух, напоенный ароматом сосновых иголок, и на мгновение почувствовала себя обычной девочкой, постигающей основы нового вида спорта.

– Устроим бой, – сказал Мадок, когда Джуд подошла поближе. – Вы обе, девочки, против этой вот старой красной шапки. – Тарин оперлась на меч, и острие клинка ушло в землю. Держать оружие так считалось вредным для стали, но Мадок воздержался от замечания.

– Власть, – сказал он, – власть означает возможность получить, что пожелаешь. Власть означает возможность стать тем, кто принимает решения. А как мы получаем власть?

Джуд встала рядом с сестрой-близняшкой. Было ясно, что Мадок ожидает ответа, но также ясно, что ответа он ждал неверного.

- Мы учимся хорошо драться? - сказала она, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Мадок улыбнулся, и Джуд увидела кончики нижних клыков: они были длиннее остальных зубов. Генерал потрепал ее по голове, и она ощутила его острые когти; касание было слишком легкое и не причинило боли, но напомнило, кто он такой.

- Мы получаем власть, забирая ее.

Он показал на невысокий холм с боярышником:

- Давайте следующий урок превратим в игру. Это мой холм. Ступайте и займите его.

Тарин послушно потопала к пригорку, Джуд потянулась следом. Мадок тоже не спешил, только скалил в ухмылке зубы.

- Что дальше? - без особого энтузиазма спросила Тарин.

Мадок задумчиво, словно прикидывая возможные правила игры, посмотрел вдаль.

- А теперь удерживайте его, защищайте.

- Подожди, как это? - спросила Джуд. - Защищать от тебя?

- Это игра-стратегия или тренировочный бой? - хмурясь, поинтересовалась Тарин.

Одним пальцем Мадок приподнял ей подбородок, чтобы Тарин посмотрела вверх, в его золотистые кошачьи глаза.

– А что такое спарринг, как не игра-стратегия в быстром темпе? – спросил он серьезно. – Поговори с сестрой. Когда солнце коснется ствола вон того дерева, я приду биться за свой холм. Сва?лите меня с ног хотя бы раз – значит, выиграла.

И с этими словами он удалился в ближайшую рощицу. Тарин села на траву.

– Я не хочу.

– Это всего лишь игра, – раздраженно бросила Джуд.

Сестра посмотрела на нее долгим взглядом – так они смотрели друг на друга, когда одна из них делала вид, будто все идет нормально.

– Ладно, и что, по-твоему, нам делать?

Джуд посмотрела вверх, на ветки боярышника.

– Что, если одна из нас будет бросать в него камни, а другая вступит в бой?

– Хорошо, – ответила Тарин и, порывисто поднявшись, начала собирать камни в подол юбки. – Как думаешь, он не рассердится?

Джуд покачала головой, но вопрос поняла. А вдруг они случайно убьют Мадока?

«Сам выбирай, на каком холме умирать», – часто говорила мама папе, и это было одно из тех странных выражений, которые, по мнению взрослых, они, дети, должны понимать. Причем некоторые поговорки совсем не имели смысла – например: «Лучше один в руках, чем два в кустах» или: «У каждой палки два конца», не говоря о вовсе уж загадочной: «Кошка может посмотреть на короля». Теперь, стоя на холме с мечом в руке, Джуд понимала эти высказывания лучше.

– Занимай позицию, – скомандовала она, и Тарин, не теряя время, вскарабкалась на дерево. Джуд посмотрела на солнце, гадая, к каким уловкам прибегнет Мадок. Будет ли тянуть время, дожидаться, пока стемнеет, ведь он во тьме видит, а они с Тарин – нет.

Но, как оказалось, Мадок и не собирался хитрить. Появившись из-за деревьев, он двинулся в их направлении, завывая и рыча так, словно командовал отрядом в сотню воинов. От ужаса у Джуд подогнулись колени.

«Это всего лишь игра», – лихорадочно напомнила она себе. Но чем ближе подходил Мадок, тем меньше верило ей тело. Животный инстинкт подсказывал, что надо бежать.

Таким громадным предстал противник, такими маленькими казались девочки и таким сильным был ее собственный страх, что весь их план выглядел теперь жалким и глупым. Она подумала о матери, истекавшей кровью на полу, вспомнила запах ее вывалившихся из живота внутренностей. Воспоминания отдались в голове ударами грома. Ей суждено умереть.

Беги! – требовало тело. БЕГИ!

Нет. Мама пробовала убежать. Джуд уперлась ногами в землю.

Она заставила себя встать в первую позицию, хотя колени и тряслись. Даже поднимаясь снизу, Мадок имел преимущество, потому что перемещался стремительно, сохраняя импульс движения. Посыпавшиеся дождем камни лишь слегка замедлили его натиск.

От первого удара Джуд увернулась, даже не попытавшись его заблокировать. Спрятавшись за дерево, избежала второго и третьего. Четвертый поверг ее на землю.

Закрыв глаза, она ждала смертельного удара.

– Можно забрать вещь, когда никто не видит. Но сохранить ее и отстоять, даже имея на своей стороне преимущество, – нелегкая задача, – смеясь, сказал Мадок. Джуд открыла глаза и увидела, что он протягивает ей руку. – Власть гораздо легче взять, чем удержать.

С груди как будто скатился тяжелый камень. В конце концов, это была всего лишь игра. Всего лишь еще один урок.

– Так нечестно, – пожаловалась Тарин.

Джуд ничего не сказала. В Фейриленде нечестно все. И она научилась не ждать справедливости и не обманывать себя ожиданиями.

Мадок поднял Джуд на ноги и положил тяжелую руку ей на плечо. Притянул к себе Тарин и заключил обеих девочек в объятия. От него пахло дымом и засохшей кровью, и Джуд поймала себя на том, что льнет к нему. Приятно, когда тебя обнимают. Даже если это делает чудовище.

Глава 1

Новый Верховный Король Фейриленда развалился на троне – корона беспечно сдвинута набок, накинутая на плечи длинная, кричаще алая мантия спадает до пола. На заостренном кончике уха сверкает серьга. Пальцы унизаны тяжелыми блестящими кольцами. Но прежде всего в глаза бросается безвольный, капризный, выражающий недовольство рот.

Из-за этого король выглядит полным ничтожеством, каковым и является на самом деле.

Я стою сбоку от него, на почетном месте сенешаля. Мое официальное положение – доверенный советник Верховного Короля Кардана, и мне приходится играть эту роль, а не свою истинную – серого кардинала, способного привести короля к повиновению, если ему вдруг вздумается мне перечить.

Обводя взглядом толпу, высматриваю шпиона из Двора теней. Перехваченное только что сообщение из Башни забвения, где заключен брат Кардана, несут сейчас мне, а не предполагаемому получателю.

И это только самая последняя проблема.

Прошло пять месяцев с тех пор, как я вынудила Кардана занять престол Эльфхейма в качестве моего марионеточного короля, пять месяцев, как я предала семью, а моя сестра забрала нашего братишку в мир смертных,

подальше от короны, которую он мог бы надеть. И пять месяцев с того дня, когда я скрестила мечи с Мадоком.

Уже пять месяцев мне не удастся поспать больше, чем несколько часов подряд.

Тогда это выглядело хорошей сделкой, сделкой в духе фейри: посадить на трон того, кто терпеть меня не может, чтобы отвести опасность от Оука. Я обманом вынудила Кардана дать обещание, что он будет служить мне год и один день, и просто опьянела от успешного исполнения собственного замысла. Тогда год и один день казались целой вечностью. Но теперь нужно придумать, как удержать его под моей властью – и уберечься от неприятностей – на бо?льший срок. Срок достаточный, чтобы дать Оуку шанс на то, чего лишили меня: детство.

Сегодня мне кажется, что год и один день – это вообще не время.

И хотя Кардан взошел на трон благодаря моим интригам и остается на нем благодаря моим махинациям, я невольно нервничаю, видя, как комфортно он чувствует себя на этом месте.

Правители фейри привязаны к стране. Они – источник ее жизненной силы, ее живое, бьющееся сердце в некоем мистическом, не до конца понятном смысле. Но Кардан определенно не таков. Его призвание – оставаться бездельником, а не заниматься реальными делами управления.

Обязанности его по большей части состоят в том, что он позволяет подданным лобызать свои унизанные кольцами руки и выслушивает ходатайства народа. Уверена, это то, что ему и нравится: знаки внимания, поклоны, расшаркивания. И, естественно, вино. Он то и дело требует, чтобы его инкрустированный кабошонами кубок наполнили бледно-зеленым ликером. У меня от одного только запаха кружится голова.

В минуту затишья Кардан смотрит на меня снизу вверх, вскинув черную бровь.

– Наслаждаешься?

– В меньшей степени, чем ты, – отвечаю я.

Как бы он ни третировал меня в школе, то чувство – чахнувший огонек оплившей свечи по сравнению с обжигающей ненавистью, которую он испытывает ко мне сейчас. Губы кривятся в улыбке. В глазах загораются злобные огоньки.

– Посмотри на них всех, на своих подданных. Какая досада, что они не знают, кто правит ими на самом деле.

От этих слов у меня вспыхивает лицо. Кардан обладает даром – нанести оскорбление, замаскировав под комплимент; оно ранит тем больше, чем сильнее искушение принять его за чистую монету.

На скольких празднествах я побывала, оставаясь незамеченной! Теперь меня видят все – озаренную пламенем свечей, в одном из трех почти одинаковых черных камзолов, которые я надеваю по вечерам, с мечом по имени Закат на боку. Они кружатся в танце, распевают свои песни, пьют золотистое вино, отгадывают загадки и сыпят проклятиями, а я смотрю на них с высоты королевского трона. Они прекрасны и ужасны, они могут презирать меня как смертную, насмеяться надо мной, но здесь, наверху, – я, а не они.

Наверно, это мало чем отличается от игры в прятки. Прятаться ведь можно и на виду у всех, на открытом месте. Но не могу отрицать, что испытываю удовольствие и даже получаю дозу наслаждения всякий раз, когда думаю о своей власти. Хотелось бы только, чтобы Кардан не догадывался об этом.

Где-то там, если присмотреться получше, моя сестричка-близняшка Тарин танцует с Локком, своим нареченным. С тем самым Локком, который, как мне думалось, может быть, любил меня. С тем самым Локком, которого, как мне думалось, и я могла бы полюбить. Хотя не хватает мне именно Тарин. В такие, как сегодня, вечера я часто представляю, как спрыгиваю с возвышения, иду к ней и пытаюсь объяснить свой выбор.

До ее свадьбы всего три недели, а мы до сих пор не поговорили.

Твержу себе, что она должна первая ко мне прийти. Она ведь обманула меня с Локком. До сих пор чувствую себя дурой, стоит только взглянуть на них двоих. Если не захочет извиняться, то пусть по крайней мере сделает вид, что извиняться не за что. Я бы даже это приняла. Но ни за что не подойду к ней первая. Не стану просить.

Она танцует, а я слежу за ней глазами.

Поисками Мадока я себя не утруждаю. Его любовь – часть той цены, которую мне пришлось заплатить за свое нынешнее положение.

Низенький высохший фейри с облаком серебряных волос на голове и в алом плаще преклоняет колени перед тронным возвышением и ждет, пока его признают. Манжеты расшиты камнями, а у заколки в форме мотылька, которой застегнут плащ, трепещут крылья. Несмотря на подобострастную позу, взгляд у него алчный.

Рядом с ним два бледных фейри из народа холмов; у них длинные руки и ноги, а волосы развеваются за спиной, хотя ветра в зале нет. Пьяный или трезвый, но теперь Кардан – Верховный Король и должен выслушивать подданных, которые попросят его решить проблему, какой бы мелкой она ни была, и оказывать благодеяния. Не представляю, что кто-то решится вручить ему свою судьбу, но фейри полны причуд.

К счастью, я рядом и могу нашептывать ему советы, как и любой сенешаль. Разница в том, что меня ему приходится слушаться. А если в ответ Кардан шепнет какую-то гадость – что ж, по крайней мере он не произнесет ее в полный голос.

Конечно, встает вопрос, достойна ли я такой власти. «Не буду творить мерзости и злодеяния ради собственного развлечения, – твердо говорю себе. – Только если они оправданны».

– Ага, – говорит Кардан, наклоняясь с трона, так что корона сползает на брови. Он делает добрый глоток вина и с улыбкой смотрит вниз, на трех просителей. – Должно быть, дело весьма серьезно, раз вы решились предстать перед Верховным Королем.

– Ты, верно, обо мне предания слышал, – отвечает маленький фейри. – Я изготовил корону, что лежит на твоей голове. Меня зовут Гримсен Кузнец, и я провел много лет в изгнании вместе с Алдеркинггом. Теперь его кости упокоились, и в Фейрфолде новый Алдеркинг, как и здесь новый Верховный Король.

– Северин, – подсказываю я.

Кузнец смотрит на меня, явно удивленный, что я посмела заговорить. Потом снова переводит взгляд на Верховного Короля:

– Прошу твоего разрешения вернуться к Верховному Двору.

– Так тебя тоже изгнали? Или ты сам решил уехать?

Я припоминаю то небольшое, что Кардан рассказывал мне про Северина. Гримсена он не упоминал. Конечно, я про него слышала. Он был кузнецом, который изготовил Кровавую корону для Мэб и вплет в нее заклятия. Говорили, он может сделать из металла что угодно, даже живых тварей – летающих птиц, ползающих и жалящих змей. Он выковал два меча-близнеца, нареченных Искателем и Заклятым; первый не знал промаха, а второй разрубал любую вещь. К сожалению, он сделал их для Алдеркинга.

– Я присягнул, что буду служить ему, – объяснил Гримсен, – и когда Алдеркинг отправился в изгнание, был вынужден последовать за ним, а посему и сам впал в немилость. И хотя в Фейрфорде я делал для него только безделушки, твой отец продолжал считать меня его сторонником. Теперь, когда оба они мертвы, я молю об изволении выделить мне место здесь, при твоём дворе. Сними с меня опалу, и моя верность будет равна твоей мудрости.

Всматриваясь в маленького кузнеца, внезапно понимаю, что он играет словами. Но с какой целью? Просьба вроде бы искренняя, и если его смирение таковым не выглядит, то, возможно, из-за сопутствующей старику громкой славы.

– Очень хорошо, – говорит Кардан, с виду довольный, что может легко удовлетворить прошение. – Твое изгнание закончено. Принеси мне присягу, и добро пожаловать к Верховному Двору.

Гримсен низко кланяется, лицо его – сцена для смятенных чувств.

– Благородный король, требование твое совершенно естественно и разумно, но я, твой слуга, уже пострадавший от подобной присяги, зарекся приносить ее снова. Позволь доказать свою верность делами, но не связывай меня клятвами.

Кладу ладонь на руку Кардана, собираясь предостерегающе пожать ее, но он стряхивает мои пальцы. Еще можно что-то сказать, и он, в силу данного слова, вынужден будет повиноваться, по крайней мере не противоречить мне, но я не знаю, что сказать. Заполучить кузнеца, который станет ковать для Эльфхейма, – дело немалое. Возможно, оно даже стоит присяги.

И все-таки взгляд Гримсена чуть-чуть более самодовольный и самоуверенный, чем следовало бы. Подозреваю, дело нечисто, но сложить головоломку не успеваю – Кардан начинает говорить:

– Принимаю твое условие, и вот тебе знак моего расположения: на окраине дворцового поместья есть старое строение с кузницей. Получишь его и столько металла, сколько тебе потребуется. Мне не терпится увидеть, что ты для нас изобразишь.

Гримсен снова низко кланяется:

– Твоя доброта не будет забыта.

Мне это не нравится, но, может быть, я слишком осторожничаю. Вероятно, из-за того, что сам кузнец не понравился. Времени на размышления не остается, потому что почти сразу появляется следующая просительница – ведьма, старая и настолько могущественная, что из-за ее колдовской силы в воздухе словно потрескивает. Пальцы тонкие и узловатые, как прутья, волосы цвета дыма, а нос напоминает лезвие косы. Вокруг горла каменное ожерелье, на каждой бусине – манящие глаз завитушки. Тяжелые одежды при ходьбе колышутся, и я замечаю когтистые, как у хищной птицы, лапы вместо ступней.

– Королек, – каркает ведьма, – Матушка Мэрроу принесла тебе подарки.

– От тебя мне требуется только верность, – беспечно отвечает Кардан. – Пока.

– О, конечно, я присягаю короне, – говорит старуха, лезет в один из карманов и достает кусок ткани, который выглядит чернее ночного неба, настолько черным, что, кажется, поглощает весь разливающийся вокруг свет. Ткань скользит по руке ведьмы. – Но я проделала весь этот путь, чтобы сделать тебе редкий подарок.

Воздушный народ не любит оказываться в долгу, поэтому предпочитает отделяться от дарителя не только словами благодарности. Дай им овсяную лепешку, и они целую комнату зерном завалят, отплатив долг с лихвой и переложив его на вас. И все же Верховный Король постоянно принимает подношения – золото, посуду, мечи с именами. Но обычно мы не называем эти вещи подарками. Или дарами.

Как понимать ее? Не знаю.

А ведьма продолжает, мурлыча:

– Мы с дочкой соткали ее из паутины и ночных кошмаров. Наряд, пошитый из этой ткани, отразит любой острый клинок, а для кожи будет мягким, как тень.

Кардан хмурится, но взгляд его снова и снова возвращается к замечательной ткани.

– Соглашусь, что раньше я подобного не видел.

– Значит, ты принимаешь то, что я приготовила для тебя? – спрашивает ведьма с хитрым блеском в глазах. – Я старше твоих отца с матерью. Старше, чем камни этого дворца. Я стара, как кости этой земли. Хоть ты и Верховный Король, Матушка Мэрроу услышит твое слово.

Кардан щурит глаза. Ведьма ему надоела, я это вижу.

В предложении ведьмы таится уловка, и на этот раз я знаю, в чем дело. Не позволяя Кардану ответить, беру слово сама:

– Ты сказала, что принесла подарки, а показала нам только эту чудесную ткань. Уверена, корона рада будет получить такую вещь, если только это не налагает на нее обязательств.

Взгляд ведьмы останавливается на мне, мрачный и холодный, как сама ночь.

– А ты кто такая, чтобы говорить вместо Верховного Короля?

– Я его сенешаль, Матушка Мэрроу.

– И ты позволяешь этой смертной девчонке отвечать вместо себя? – спрашивает старуха у Кардана.

Он переводит взгляд на меня и смотрит так высокомерно, так снисходительно, что у меня лицо заливаается румянцем. А он все смотрит, кривя губы.

– Приходится, – наконец отвечает он ведьме. – Она забавляется, охраняя меня от неприятностей.

Прикусываю язык, а он обращает безмятежное, благодушное лицо к Матушке Мэрроу.

– Она достаточно умна, – произносит ведьма, выплевывая слова, как ругательства. – Ну хорошо. Ткань твоя, Твое Величество. Дарю, не налагая обязательств. Дарю только это и больше ничего.

Кардан наклоняется к ней, заговорщически подмигивая:

– О, прошу, расскажи мне про остальное. Я так люблю обманы и ловушки. Даже те, в которые сам едва не угодил.

Матушка Мэрроу перетаптывается с одной когтистой лапы на другую, впервые за всю аудиенцию выдавая свое волнение. Гнев Верховного Короля опасен даже ведьме, старой, как кости земли.

– Ладно. Если бы ты принял все, что я для тебя приготовила, то оказался бы под заклятием, позволяющим тебе жениться только на ткачихе, изготовившей эту ткань, то есть на мне или моей дочери.

При мысли о том, что могло случиться, меня пробирает холодная дрожь. Возможно ли принудить Верховного Короля фейри к подобной женитьбе? Наверняка есть обходные пути. Думаю о последнем Верховном Короле – он не был женат ни разу.

Правители Фейриленда обычно не женятся, потому что, став однажды королем, королем и остаются – до самой смерти или отречения. Среди простонародья и джентри браки заключаются так, чтобы их можно было расторгнуть, не как у смертных – «пока смерть не разлучит нас». Фейри включают в свои брачные обеты такие оговорки, как «пока вы оба не отринете друг друга» или «на протяжении всей жизни», дальновидно не уточняя чьей. Но дело в том, что брачный союз короля или королевы разрушен быть не может.

Если бы Кардан женился, мне, чтобы посадить Оука на трон, пришлось бы не только его сгонять с трона, но и избавляться от супруги.

Кардан приподнимает бровь, изображая святую невинность:

– Миледи, вы мне льстите. Я и подумать не мог, что вы в подобном заинтересованы.

Взгляд ведьмы, передающей подарок одному из личных телохранителей Кардана, безжалостен.

– Может быть, когда-нибудь дорастешь до мудрости своих советников.

– Об этом многие усердно молятся, – покорно соглашается он. – Скажи мне вот что. Дочь твоя совершила путешествие вместе с тобой?

– Она здесь, – говорит ведьма. Из толпы выходит девушка и низко кланяется Кардану. Она молода, с копной распущенных волос. Как и у матери, конечности у нее до странности длинные и напоминают ветви, но если мать неприятно костлява, то дочь по-своему красива. Может, потому, что ступни у нее больше похожи на человеческие. Хотя, сказать по правде, повернуты назад.

– Из меня получился бы плохой муж, – говорит Кардан, обращая внимание на девушку, которая словно сжимается под его пристальным взглядом. – Но подари мне танец, и я продемонстрирую тебе другие свои таланты.

Смотрю на него с подозрением.

– Идем, – говорит Матушка Мэрроу дочери и, схватив без особой нежности за руку, тащит в толпу. Потом оглядывается на Кардана: – Мы втроем еще встретимся.

– Заметил? Они все стараются женить тебя, – привычно растягивая слова, говорит Локк. Лишь услышав знакомый голос, я обнаруживаю, что он занял освободившееся место Матушки Мэрроу.

Он ухмыляется Кардану и вообще выглядит довольным и собой, и миром.

– Лучше брать наложниц, – продолжает Локк. – Много-много наложниц.

– И это говорит мужчина, который вот-вот женится, – напоминает ему Кардан.

– Ах, оставь! Я, как и Матушка Мэрроу, принес тебе подарок. – Локк делает шаг к возвышению. – Только без скрытых шипов. – В мою сторону он не смотрит. То ли не видит, то ли я интересую его не более чем какой-нибудь предмет мебели.

Так хочется, чтобы меня это не волновало. Так хочется, чтобы не вспоминалось, как я стояла на вершине самой высокой башни поместья Локка, а его теплое тело прижималось к моему. И чтобы он не использовал меня для проверки чувств моей собственной сестры, а Тарин не позволяла ему этого делать.

«Если бы желания были лошадьми, – говорил мой смертный отец, – то все нищие разъезжали бы верхом». Еще одна поговорка, которая стала понятной только со временем.

– Вот как? – Кардан скорее озадачен, чем заинтригован.

– Я хочу подарить тебе себя – в качестве твоего Магистра Увеселений, – объявляет Локк. – Даруй мне эту должность, и я сделаю своим долгом и обязанностью, исполнять которые буду с радостью, защиту Верховного Двора Эльфхейма от скуки.

Во дворце столько должностей – слуги и министры, послы и генералы, советники и портные, шуты и мастера загадывать загадки, конюхи, хранители пауков и еще десятки постов, которые и не упомнишь. Мне было неизвестно, что

существует такая должность, как Магистр Увеселений. Насколько понимаю, он сам ее изобрел.

– Я приготовлю тебе такие наслаждения, о которых ты и не мечтал. – Локк заразительно улыбается. Неприятности он нам приготовит, это уж точно. Неприятности, на которые у меня нет времени.

– Будь осторожен, – говорю я, впервые привлекая к себе внимание Локка. – Уверена, ты не хотел бы оскорбить воображение Верховного Короля.

– Конечно. Я уверен, – двусмысленно замечает Кардан.

Веселая уверенность Локка непоколебима. Он прыгает на возвышение, и телохранители с обеих сторон трона спешат преградить ему путь. Кардан жестом гонит их прочь.

– Если ты сделаешь его Магистром Увеселений... – начинаю я, отчаянно стараясь успеть.

– Ты мною командуешь? – перебивает Кардан, выгибая бровь.

Он понимает, что я не могу сказать «да», потому что Локк наверняка услышит.

– Конечно, нет, – цежу сквозь зубы.

– Хорошо, – говорит Кардан, отводя взгляд. – Я склонен даровать тебе то, что ты просишь, Локк. В последнее время у нас так уныло.

Вижу, как ухмыляется Локк, и закусываю губу, чтобы не выкрикнуть повеление. Хотелось бы увидеть его лицо, когда перед ним обнаружится вся моя власть.

Соблазнительно, но глупо.

– Раньше Граклы, Жаворонки и Соколы соперничали в борьбе за сердце Двора, – говорит Локк, имея в виду фракции, склонные к разгулу и кутежам, искусству или войне. Эти группировки при Элдредде то оказывались в фаворе, то впадали в немилость. – Но теперь сердце Двора твое, и только твое. Давайте переменим

это.

Кардан смотрит на Локка как-то странно, будто впервые осознает, что быть Верховным Королем может быть забавным. Он словно представляет, каково это – править без натянутого поводка, который я держу в руке.

А потом я наконец замечаю по ту сторону тронного возвышения Бомбу, шпионку из Двора теней. Белые волосы ореолом обрамляют ее смуглое лицо. Она подает мне знаки.

Не хочется оставлять Локка наедине с Карданом – мне не нравится их идея насчет развлечений, – но приходится. Спускаюсь по ступенькам и направляюсь к Бомбе. В конце концов, какой смысл противодействовать Локку, когда он так увлечен своим очередным замыслом...

На полпути к тому месту, где стоит Бомба, слышу, как звенит над толпой его голос:

– Мы устроим праздник Охотничьей Луны в Молочном лесу, и Верховный Король задаст такую пирушку, что о ней станут петь барды, это я обещаю.

От ужаса у меня холодеет внутри.

Локк вытаскивает из толпы на возвышение нескольких пикси, и их радужные крылья переливаются в свете свечей. Одна из девушек безудержно хохочет, хватая кубок Кардана и осушает до дна. Жду, что он сейчас набросится на нее, унизит или порвет крылья, но он только улыбается и велит подать еще вина.

Что бы там ни было в запасе у Локка, Кардан, похоже, вовсе не прочь включиться в игру. В Фейриленде за любой коронацией следует целый месяц кутежей; все едят, пьянствуют, отгадывают загадки, устраивают дуэли и так далее. Предполагается, что народ должен плясать от заката до рассвета, пока подошвы не протрутятся до дыр. Но, после того как Кардан стал Верховным Королем, большой зал не пустовал ни дня все пять месяцев, рога пенились медом и клеверным вином. Разгул едва-едва пошел на убыль.

Такого юного короля в Эльфхейме не было давно, и придворные заразились безудержным, бесшабашным весельем. Охотничья Луна наступит скоро, даже раньше свадьбы Тарин, и если Локк намерен разжечь огонь кутежей еще сильнее, далеко ли до беды?

Заставляю себя повернуться к Кардану спиной. В конце концов, зачем я стараюсь привлечь его взгляд? Ненависть его настолько велика, что он все равно сумеет послушаться, не нарушая вроде бы приказ. В этом он хорош.

Так и хочется сказать, что Кардан меня всегда ненавидел, но в какой-то короткий и странный промежуток времени казалось, что мы понимаем друг друга и, возможно, даже испытываем взаимную симпатию. Этот в целом противоестественный альянс начался с моего кинжала, приставленного к его горлу, и в результате он проникся ко мне таким доверием, что отдался под мою власть.

А я это доверие обманула.

Когда-то он мучил меня, потому что был юн, разочарован, зол и жесток. Теперь, я считаю, у него есть все основания мечтать о мучениях, которым он подвергнет меня по прошествии года и одного дня. Будет очень трудно и дальше держать его под каблуком.

Подхожу к Бомбе, и она сует мне в руку бумагу:

– Еще одна записка Кардану от Балекина. На этот раз послание успело попасть во дворец, прежде чем мы его перехватили.

– Здесь то же самое, что и в первых двух?

Бомба кивает:

– В основном да. Балекин пытается лестью убедить нашего Верховного Короля приехать к нему в тюрьму. Хочет предложить какую-то сделку.

– Уверена, что хочет, – соглашаюсь я и радуюсь, что некогда попала во Двор теней и они до сих пор прикрывают мне спину.

– Что будешь делать? – спрашивает Бомба.

– Собираюсь повидаться с принцем Балекином. Если хочет сделать предложение Верховному Королю, пусть сначала убедит его сенешаля.

Она улыбается уголками губ:

– Я пойду с тобой.

Снова оглядываюсь на тронное место, делаю рукой неопределенный жест.

– Нет. Остайся здесь. Постарайся, чтобы Кардан не попал в неприятности.

– Он сам – неприятность, – напоминает Бомба, слишком, на мой взгляд, легкомысленно бросая тревожные слова.

Направляясь к выходу из зала, замечаю у дальней стены наполовину скрытого тенью Мадок: он наблюдает за мной своими кошачьими глазами. Мадок слишком далеко, чтобы мы могли поговорить, но я и так знаю, что бы он сказал.

«Власть гораздо легче получить, чем удержать».

Глава 2

Балекин заключен в Башню забвения в самой северной части Инсуила, Острова скорби. Инсуил – один из трех островов Эльфхейма, соединенный с Инсмиром и Инсмуром грядами скал и лоскутами земли, населенными только немногочисленными пихтами, серебристыми оленями и редко встречающимися представителями древесного народа. Весь путь от Инсмира до Инсуила можно пройти пешком, если вы не прочь попрыгать с камня на камень, в одиночку прогуляться по Молочному лесу и, возможно, даже промокнуть.

Меня эти удовольствия не прельщают, поэтому решаю ехать верхом.

Я – сенешаль Верховного Короля, и к моим услугам королевские конюшни. Наездница из меня никакая, поэтому выбираю покладистую на вид темную лошадку с гривой, заплетенной в косички, вероятно магические.

Вывожу ее из стойла; конюх-гоблин несет уздечку с удилами.

Прыгаю на лошадь и направляю ее к Башне забвения. Смотрю, как об утесы разбиваются волны. В воздухе висит туман из мельчайших соленых брызг. Инсуил – непривлекательный остров; обширные пространства его лишены растительности, повсюду только черные камни и природные бассейны, в прилив наполняющиеся водой, да еще башня, пронизанная жилами холодного железа.

Привязываю лошадь к одному из черных металлических колец, торчащих из камней башни. Лошадка нервно ржет, хлещет себя хвостом по крупу. Касаюсь ее морды ладонью в расчете на то, что это немного успокоит животное.

– Я ненадолго, а потом уберемся отсюда, – обещаю лошади, жалея, что не спросила у конюха, как ее зовут.

Стучусь в тяжелую деревянную дверь, нервничая при этом не меньше лошади.

Дверь отворяет большое волосатое существо. На нем прекрасно сработанный пластинчатый доспех, из щелей которого торчат клочья светлой шерсти. Очевидно, что это солдат; они привыкли обращаться со мной уважительно, как с дочерью Мадока, но теперь обращение может измениться на противоположное.

– Я – Джуд Дуарте, сенешаль Верховного Короля, – объявляю ему. – Приехала по делам короны. Впусти меня.

Страж делает шаг в сторону, распахивает дверь, и я попадаю в темную прихожую Башни забвения. Мои смертные глаза медленно и плохо привыкают к недостатку света. В отличие от фейри, я не умею видеть в почти полной темноте. Здесь еще по крайней мере три стража, но мне удастся различить только их смутные очертания.

– Полагаю, ты пришла повидаться с принцем Балекином, – раздается голос за спиной.

Ужасное чувство, когда с тобой разговаривает кто-то невидимый, но я, собравшись с духом, киваю.

- Отведите меня к нему.

- Вулсибер, - произносит голос. - Отведи ее.

В Башню забвения заточают тех из Воздушного народа, кого монарх хочет вычеркнуть из памяти Двора, поэтому она так называется. Большую часть преступников наказывают замысловатыми проклятиями, трудновыполнимыми заданиями или другими формами прихотливого правосудия фейри. Чтобы попасть сюда, надо по-настоящему насолить какой-нибудь важной персоне.

Стражники в основном набираются из солдат, которым это унылое и уединенное место подходит по темпераменту; попадают сюда и те, которых командиры решили приучить к смирению. К какой группе относятся эти сливающиеся с темнотой фигуры, определить невозможно.

Вулсибер подходит ко мне, и я узнаю в нем солдата, открывшего дверь. На вид, судя по тяжелым надбровным дугам и длинным рукам, он наполовину тролль.

- Веди, - приказываю я.

Страж отвечает мне суровым взглядом. Не знаю, что во мне троллю не нравится - моя смертность, положение или то, что я вторгаюсь вечером. Я не спрашиваю. Просто следую за ним по каменным ступеням вниз, в сырую, пахнущую минералами темноту. Воздух пропитан невыносимой вонью - смесью запахов подземелья, гнили и каких-то грибов.

Темнота становится непроглядной, и я останавливаюсь, боясь споткнуться.

- Зажги лампу.

Вулсибер придвигается поближе, дышит мне в лицо, и я чувствую запах мокрой листвы.

- А если не зажгу?

В руке у меня оказывается тонкий кинжал, выскользнувший из ножен в рукаве. Вдавливаю острие в его бок, под ребра.

– Тебе лучше не знать, что тогда будет.

– Но ты же не видишь, – возражает он, чувствуя себя посрамленным из-за того, что я не очень-то напугана.

– Может, я люблю, когда света чуть больше, – спокойно говорю я, хотя сердце бешено колотится, а ладони начинают потеть. Если предстоит схватка на лестнице, лучше ударить быстро и наверняка, потому что второй возможности не представится.

Вулсибер отодвигается от меня и моего кинжала. Слышу его тяжелые шаги по ступеням и прикидываю, как мне спуститься вслепую. Но потом загорается факел, отбрасывающий зеленый свет.

– Ну? – бросает тролль. – Ты идешь?

Лестница минует несколько камер – некоторые пусты, в других заключенные сидят достаточно далеко от решеток, и факел не освещает их. Рассмотреть удастся только последнего.

На черных волосах принца Балекина лежит венец – свидетельство его королевского происхождения. Он в заточении, но отнюдь не выглядит расстроенным. Сырые камни пола покрыты тремя коврами. Он сидит в резном кресле и смотрит на меня из-под нависших бровей яркими, как у филина, глазами. На изящном столике висит золотой самовар. Балекин поворачивает краник, и хрупкая фарфоровая чашка наполняется ароматным дымящимся чаем. Запах напоминает мне морские водоросли.

Но как бы элегантно Балекин ни выглядел, он все же в Башне забвения, а над его головой на стене прилепилось несколько мотыльков, горящих алым светом. Когда принц пролил кровь старого короля, капли ее превратились в мотыльков, которые на несколько потрясающих мгновений взмыли в воздух, а потом вроде бы умерли. Я думала, они все пропали, но, похоже, некоторые следуют за ним до сих пор, напоминая о грехах.

– Наша леди Джуд из Двора теней, – произносит принц, словно пытаюсь очаровать меня. – Могу я предложить тебе чашечку чая?

В одной из соседних камер происходит какое-то движение. Представляю, как в мое отсутствие здесь проходят чаепития.

Мне не нравится, что принцу известно о Дворе теней и моей причастности к нему, но я не сильно удивлена – принц Дайн, наш наниматель и руководитель нашей шпионской группы, был братом Балекина. И если Балекин знал о Дворе теней, то, возможно, разузнал и о том, что один из нас украл Кровавую корону и передал в руки моего брата, чтобы тот возложил ее на голову Кардана.

У Балекина есть все основания не особо радоваться моему визиту.

– К сожалению, от чая должна отказаться, – отвечаю я. – Надолго не задержусь. Вы отправили Верховному Королю кое-какую корреспонденцию. Что-нибудь насчет соглашения? Или сделок? Я здесь для того, чтобы от его имени выслушать все, что вы пожелаете сказать.

Улыбка его становится кривой, а потом просто безобразной.

– Думаешь, превратила меня в ничтожество? – говорит он. – Но я, даже находясь здесь, остаюсь принцем Фейриленда. Вулсибер, не мог бы ты придержать сенешаля моего братца и врезать по ее хорошенькому личику?

Следует удар открытой ладонью, более быстрый, чем я ожидала; звук пощечины ошеломляюще звонок. Лицо пронзает болью, и я прихожу в ярость.

В правую руку снова прыгает кинжал, такой же оказывается и в левой.

На роже у Вулсибера появляется азартное выражение.

Гордость велит сражаться, но он крупнее меня, и место троллю знакомо. Это будет не просто учебный бой. И все же желание превзойти его, стереть самодовольное выражение с наглой физиономии переполняет меня.

Почти переполняет. «Гордость для рыцарей, – напоминаю себе, – а не для шпионов».

– По хорошенькому личику, – выговариваю я, медленно пряча кинжалы. Касаюсь пальцами щеки. Вулсибер ударил достаточно сильно, и мои собственные зубы поранили щеку изнутри. Сплювываю кровь на каменный пол. – Вы мне льстите. С короной я обвела вас вокруг пальца, поэтому считаю, что вы имеете право на сильные эмоции. Особенно если они сопровождаются комплиментом. Только не испытывайте мое терпение еще раз.

Вулсибер внезапно теряет всю свою уверенность.

Балекин отхлебывает из чашки.

– Ты говоришь очень дерзко, смертная девочка.

– Почему бы и нет? – спрашиваю я. – Говорю от имени Верховного Короля. Думаете, ему интересно отрываться от удовольствий и тащиться сюда из дворца, чтобы пообщаться с братом, от руки которого он принял страдания?

Принц Балекин наклоняется в своем кресле:

– Любопытно, что это ты имеешь в виду.

– А мне любопытно, какое сообщение вы хотели бы передать Верховному Королю.

Балекин рассматривает меня. Без сомнения, одна щека у меня горит. Он делает еще глоток чаю.

– Я слышал о смертных, что для них чувство влюбленности сродни чувству страха. Твое сердце бьется быстрее. Ощущения обостряются. Голова кружится, как у пьяного. – Он смотрит мне в глаза. – Это так? Это многое объяснило бы про таких, как ты, если возможно спутать два столь разных чувства.

– Никогда не влюблялась, – возражаю я, стараясь, чтобы голос не хрипел.

– И опять же, ты умеешь лгать, – продолжает Балекин. – Понимаю, Кардан счел это полезным. И Дайна тоже понимаю. С его стороны было умно включить тебя в эту маленькую банду неудачников. И очень умно – догадаться, что Мадок тебя в любом случае пощадит. Что бы ты ни говорила о моем брате, но сентиментальностью он не страдал. Я со своей стороны о тебе почти не думал, а если и вспоминал, то лишь в связи с тем, как с твоей помощью подстрекать Кардана. Но у тебя оказалось то, чего никогда не было у моего брата, – амбиции. Если бы я это вовремя понял, то носил бы сейчас корону. Но, думаю, ты меня тоже недооцениваешь.

– Вот как? – Эти слова мне отчаянно не нравятся.

– Я не отправлю с тобой послание Кардану. Оно дойдет другим путем, и дойдет очень скоро.

– Значит, вы тратите свое и мое время, – говорю я сердито. Проделала такой путь, перенесла пощечину, испугалась – и все зря.

– Ах, время, – тянет он. – Только тебе, смертная, есть до него дело. – Принц кивает Вулсиберу: – Можешь увести ее.

– Идем, – рычит страж, невежливо подталкивая меня к ступенькам. Начиная подъем, оглядываюсь на Балекина; лицо его кажется суровым в зеленом свете факела. Он так сильно похож на Кардана, что мне становится тревожно.

Мы уже на полпути вверх, когда сквозь решетку протягивается рука с длинными пальцами и хватает меня за лодыжку. Испугавшись, я поскользнулась и растягиваюсь на ступеньках, исцарапав ладони и ударившись коленками. Старая рана в левой ладони начинает пульсировать. Едва удерживаюсь, чтобы не покатиться по каменным ступеням вниз.

Прямо перед собой вижу худое лицо женщины-фейри. Хвост ее обвивается вокруг прутьев решетки. Короткие рожки загибаются ото лба к темени.

– Я знавала твою Еву, – говорит она, и глаза мерцают во мраке. – Знавала твою мать. И многие из ее маленьких секретов.

Вскакиваю на ноги и что есть духу бросаюсь по ступенькам вверх; сердце рвется из груди, и я едва успеваю сбавить ход, чтобы в темноте не налететь на Вулсибера. Судорожно хватаю ртом воздух: дыхание сбилось, и легкие начинают стонать.

Наверху лестницы останавливаюсь и кладу израненные ладони на грудь, стараясь прийти в себя.

– О, совсем забыла, – говорю Вулсиберу, когда дыхание немного успокаивается. – Верховный Король передал мне свиток с распоряжениями. Там некоторые изменения относительно условий обращения с его братом. Свиток снаружи, в седельной сумке. Если можешь проводить меня...

Вулсибер вопросительно смотрит на стража, который отправил его со мною к Балекину.

– Только быстро, – изрекает фигура, больше похожая на тень.

И Вулсибер сопровождает меня через дверь, ведущую из Башни забвения. Залитые лунным светом черные камни сверкают от покрывающих их поверхность брызг и отложений соли, словно засахаренные фрукты. Пытаюсь сосредоточить внимание на стражнике, а не на имени матери, которое не слышала столько лет, что не сразу поняла, почему оно так важно для меня.

Ева.

– У этой лошади только уздечка да удила, – говорит Вулсибер, хмуро разглядывая животное, привязанное у стены. – А ты сказала...

Вонзаю ему в руку булавку, спрятанную в ткани камзола.

– Я солгала.

Требуется усилие, чтобы подтащить его и перекинуть через спину лошади. Она обучена военным командам, умеет становиться на колени, и это помогает. Стараюсь действовать как можно быстрее из опасения, что еще один стражник придет проверить, как у нас дела, но мне везет. Никто не появился, а мы уже

верхом и едем.

Еще одна причина ездить, а не ходить в Инсуил: никогда не знаешь, что потребуется оттуда забрать.

Глава 3

– Ты руководитель шпионской сети, – говорит Таракан, оглядывая меня и пленника. – Значит, должна быть проницательной. Рассчитывать только на себя – верный способ попасться. В следующий раз возьми одного из королевских телохранителей. Возьми одного из нас. Возьми кучу спрайтов или пьяного сприггана. Только возьми кого-нибудь.

– Прикрывать мне спину – замечательная возможность всадить в нее нож, – замечаю я.

– Говоришь прямо как Мадок, – отвечает Таракан, недовольно шмыгая длинным изогнутым носом. Он сидит за деревянным столом в нашем логове при Дворе теней, спрятанном в глубоких туннелях под дворцом Эльфхейма. Занят тем, что обжигает наконечники арбалетных стрел, а потом щедро покрывает их дегтем. – Если не доверяешь нам, так и скажи. Мы заключили одно соглашение, можем заключить другое.

– Я не это имела в виду. – Опускаю голову на руки и задумываюсь. Я им доверяю. Если бы не доверяла, не говорила бы так, а здесь просто не удержалась и выплеснула раздражение.

Сажу напротив Таракана, ем сыр, хлеб с маслом и яблоки. Ем первый раз за день, и желудок голодно урчит. Еще одно напоминание о том, что тело у меня не такое, как у них. У фейри в животе не урчит.

Может, я из-за голода такая сварливая? Щека горит, и хотя я перевернула ситуацию с ног на голову, это последнее, в чем мне хотелось бы признаться. Плюс ко всему я так и не узнала, что Балекин хотел сказать Кардану.

Чем сильнее усталость, тем больше я совершаю промахов и допускаю ошибок. Нас подводит человеческое тело. Оно испытывает голод, болеет и изнашивается. Но у меня столько дел, что просто нет времени обращать внимание на слабости.

Рядом с нами сидит Вулсибер, опутанный веревками и с завязанными глазами.

– Хочешь сыру? – спрашиваю у него.

Стражник отрицательно рычит и настороженно шевелится в путах. Он очнулся несколько минут назад и чем дальше, тем больше беспокоится, что мы не заговариваем с ним.

– Что я здесь делаю? – наконец выкрикивает он и начинает раскачивать стул взад и вперед. – Развяжите меня! – Стул опрокидывается, Вулсибер ударяется о землю и лежит на боку. Потом начинает рваться из веревок уже по-настоящему.

Таракан пожимает плечами, встает и стаскивает повязку с его глаз.

– Приветствую! – произносит он.

На другом конце комнаты Бомба чистит ногти длинным серповидным ножом. Призрак сидит в углу так тихо, что, кажется, его здесь и нет вовсе. За происходящим с интересом наблюдают несколько новых рекрутов – паренек с воробьиными крылышками, трое спригганов и девушка из слуг. Я не привыкла к такой аудитории.

Вулсибер не отрываясь смотрит на Таракана, на его зеленую, как у всех гоблинов, кожу и глаза, горящие оранжевым светом, на длинный нос и одинокий клок волос на голове. Потом оглядывает помещение.

– Верховный Король такого не позволил бы, – говорит Вулсибер.

Я грустно улыбаюсь ему:

– Верховный Король ничего не знает, и ты вряд ли расскажешь ему, когда я вырежу тебе язык.

Вижу, как в нем поднимается страх, и испытываю почти чувственное наслаждение. Мне, плохо знавшей, что такое власть, нужно быть осторожной в отношении этого чувства. Власть ударяет в голову слишком быстро, как фейрийское вино.

– Дай угадаю, – говорю я, поворачиваясь на стуле в его сторону и стараясь смотреть холодным взглядом. – Ты думал, что можешь ударить меня и никаких последствий не будет.

При этих словах он слегка ежится.

– Чего ты хочешь?

– А кто сказал, что я хочу чего-то особенного? – спрашиваю я в ответ. – Может, всего лишь маленькой мести.

Таракан вытаскивает из-за пояса клинок самого жуткого вида, держит его над Вулсибером, словно мы заранее обо всем договорились, и смотрит на стражника со зловещей улыбкой.

Бомба поднимает взгляд от ногтей и наблюдает за Тараканом, кривя губы в ухмылке.

– Кажется, представление вот-вот начнется.

Вулсибер сражается с веревками, мотает головой туда-сюда. Слышно, как трещит стул, но вырваться не удается. После нескольких тяжелых вздохов тело его обмякает.

– Пожалуйста, – шепчет он.

Касаюсь пальцем щеки, словно какая-то мысль пришла мне в голову.

– Или можешь помочь нам. Балекин собирался заключить сделку с Карданом. Расскажи мне про нее.

– Я ничего о ней не знаю! – в отчаянии восклицает Вулсибер.

– Очень плохо. – Пожимаю плечами, беру кусочек сыра и бросаю в рот.

Он смотрит на Таракана и ужасный тесак в его руке.

– Но мне известна тайна. Она стоит дороже, чем моя жизнь, и значит больше того, что хочет Балекин от Кардана. Если я раскрою ее вам, клянетесь, что я уйду отсюда невредимым?

Таракан бросает взгляд на меня, я пожимаю плечами.

– Ну ладно, – соглашается он. – Если тайна того стоит и если ты поклянешься никогда не рассказывать о своем визите ко Двору теней, то говори, и мы тебя отпустим.

– Королева Подводного мира, – объявляет Вулсибер, спеша все выложить. – Ее слуги по ночам пробираются в Башню и шепчутся с Балекином. Они проскальзывают к нему, хотя мы не знаем как, и оставляют раковины и акульи зубы. Обмениваются посланиями, но мы не можем их расшифровать. Поговаривают, что Орлаг намерена разорвать договор с сушей и использовать информацию, которую дает Балекин, для свержения Кардана.

Изо всех угроз для правления Кардана опасность со стороны Подводного мира самая неожиданная. У Королевы Подводного мира единственная дочь – Никасия, выросшая на суше, и она входит в круг омерзительных друзей Кардана. Как и с Локком, у меня с Никасией своя история. И, как и с Локком, нехорошая.

Но я считала, что теперь Орлаг довольна – ведь на троне друг ее дочери.

– В следующий раз, когда такой обмен произойдет, иди прямо ко мне, – говорю я. – Если услышишь что-то для меня интересное, тоже приходи.

– Об этом мы не договаривались, – протестует Вулсибер.

– Это правда, – соглашаюсь я. – Ты рассказал нам сказку, причем хорошую. Сегодня мы тебя отпускаем. Но я могу наградить тебя лучше, чем какой-нибудь

принц-убийца, который не располагает благосклонностью Верховного Короля и никогда ее не добьется. Есть должности получше, чем стражник в Башне забвения, и они твои, нужно только заслужить. Есть золото. Масса всяких наград, которые Балекин может пообещать, но вряд ли когда-нибудь вручит.

Вулсибер бросает на меня странный взгляд – похоже, сомневается, можем ли мы быть союзниками после того, как он меня ударил, а я его отравила.

– Ты можешь солгать, – наконец говорит он.

– Я гарантирую вознаграждение, – заявляет Таракан. Он вытягивает руку и своим страшным клинком разрезает путы.

– Пообещай мне место, только не в Башне, – поднимаясь на ноги и растирая запястья, говорит Вулсибер, – и я буду повиноваться тебе, как самому Верховному Королю.

При этих словах Бомба смеется и подмигивает мне. Они не знают наверняка, сколь велика моя власть над Карданом, знают только, что, согласно сделке, я выполняю бо?льшую часть работы самостоятельно, а Двор теней действует в интересах короны и получает за это плату напрямую от Верховного Короля.

«В ее маленьком маскараде мне отведена роль Верховного Короля», – сказал однажды Кардан, а я услышала. Таракан с Бомбой тогда смеялись, Призрак – нет.

Мы с Вулсибером обмениваемся обещаниями, и Таракан уводит его, предварительно завязав глаза, из нашего убежища, а Призрак подходит и садится возле меня.

– Пойдем, сразимся, – предлагает он, подбирая кусок яблока с моей тарелки. – Выпусти пар – ты же кипишь от злости.

Я негромко смеюсь.

– Не суди строго. Поддерживать температуру на одном уровне не так уж легко.

– Да еще такую высокую, – добавляет он, не спуская с меня своих карих глаз. В его родословной есть люди, это видно по ушам и песочному цвету волос, такому необычному среди фейри. Он не рассказывает о себе, а здесь, в нашем секретном месте, расспрашивать как-то неловко.

Хотя Двор теней не следует за мной во всем, мы вчетвером дали клятву. Пообещали защищать Верховного Короля – как его лично, так и титул, – обеспечивать безопасность и процветание Эльфхейма, чтобы крови было меньше, а золота больше. Так что мы поклялись. И они позволили мне принести клятву; хотя мое слово не связывает меня так, как связывает их собственная присяга – с помощью магии. Я связана честью и их верой в то, что она у меня есть.

– За последние две недели король лично трижды вызывал Таракана на аудиенцию. Учится опустошать карманы. Если не будешь внимательна, станешь пройдохой почище тебя. – Призрак включен в личную охрану Верховного Короля, что позволяет ему и обеспечивать безопасность Кардана, и быть в курсе его привычек.

Я вздыхаю. Уже совсем темно, а мне еще столько нужно сделать до рассвета. И все-таки игнорировать его приглашение трудно, потому что задета моя гордость.

Тем более теперь, когда нас слышат шпионы-новобранцы, новички-агенты, оставшиеся без мест после убийства королевской семьи. У каждого принца и принцессы было по несколько шпионов, и мы наняли их всех. Спригганы осторожны, как кошки, но умеют отлично разнюхивать скандальные новости. Мальчишка-воробей совсем еще зеленый, как я когда-то. Надо радоваться расширению Двора теней; это позволяет надеяться, что я сумею ответить на любой вызов.

– Настоящие трудности начнутся, когда кто-нибудь возьмется обучать нашего короля бою на мечах, – говорю я, вспоминая, как огорчился из-за этого Балекин и как сам Кардан заявлял, что его единственная добродетель в том, что он не убийца.

Я этой добродетели лишена.

– Вот как? – удивляется Призрак. – Может, тебе придется его обучить.

– Идем, – говорю я, поднимаясь. – Посмотрим, смогу ли я научить чему-нибудь тебя.

Призрак откровенно смеется. Мадок приучил меня к мечу, но я, до знакомства с Двором теней, знала только один стиль боя. Призрак учился дольше и знает гораздо больше.

Иду за ним в Молочный лес, где в кронах деревьев с белой корой гудят в ульях мохнатые пчелы с черными жалами. Корневики спят. Море плещется у каменистой береговой кромки острова. Когда мы становимся лицом к лицу, мир словно замирает. Я устала, но мышцы помнят, что нужно делать.

Вытаскиваю Закат. Призрак быстро атакует, острие его меча ныряет сверху вниз, целясь в сердце, но я отбиваю широким взмахом и тут же контратакую и наношу удар ему в бок.

– Боялся, что будет хуже, – говорит он, пока мы обмениваемся выпадами, проверяя друг друга.

Я не рассказываю ему про упражнения, которые выполняю перед зеркалом, как и про другие приемы, с помощью которых стараюсь избавиться от ошибок.

Как сенешалю Верховного Короля и фактической правительнице, мне приходится многому учиться. Военные обязательства, донесения от вассалов, запросы из разных уголков Эльфхейма, написанные на разных языках. Всего несколько месяцев назад я еще посещала уроки, выполняла домашние задания, которые проверяли ученые-преподаватели. Мысль о том, что я могу справиться с чем угодно, казалась невероятной, как колдовство с превращением соломы в золото, но, не смыкая глаз, я проводила ночь за ночью, пока солнце не поднималось высоко в небе, изо всех сил стараясь сделать невозможное возможным.

С марионеточным правительством проблема вот в чем: оно не хочет работать само по себе.

И в этой ситуации выплеск адреналина не заменит опыт.

Проверив меня по азам, Призрак переходит к настоящему бою. Он словно порхает по траве, так что даже шагов не слышно. Бьет и снова бьет, ошеломляя натиском, не позволяя опомниться. Я отчаянно защищаюсь, полностью сосредоточившись на схватке. Заботы блекнут и отходят на задний план, внимание обостряется. Усталость слетает, как пух с головки одуванчика.

Славно. Восхитительно.

Мы обмениваемся выпадами, туда-сюда, нападаем и отступаем.

– Скучаешь по миру смертных? – спрашивает Призрак. С радостью замечаю, что дышится ему не так уж легко.

– Нет, – отвечаю. – Я его едва знала.

Он снова атакует, его меч мелькает, как серебристая рыба в водах ночного моря.

«Смотри на клинок, а не на воина, – много раз наставлял меня Мадок. – Сталь никогда не обманывает».

Мы описываем круги, и наши мечи встречаются снова и снова.

– Должна же ты что-то помнить.

Я вспоминаю, как сквозь решетку в Башне мне шепнули имя матери.

Призрак делает ложное движение в одну сторону, и я, отвлекшись, слишком поздно понимаю, что он делает. Меч бьет меня плашмя по плечу. Если бы в самый последний момент он не повернул клинок, то разрубил бы кожу, а так будет синяк.

– Ничего страшного, – говорю я, стараясь не обращать внимания на боль. В игру на отвлечение внимания могут играть двое.

- Может, у тебя память лучше, чем у меня. Что ты помнишь?

Он пожимает плечами.

- Как и ты, я там родился. - Призрак делает выпад, я блокирую. - Но сто лет назад, мне кажется, все было иначе.

Я выгибаю брови, парирую еще один удар, отступаю за пределы досягаемости его меча.

- Ты был счастливым ребенком?

- Я владел магией. Как же я мог быть несчастливym?

- Владел магией, - повторяю я и поворотом клинка - прием Мадока - выбиваю меч из руки Призрака.

Он смотрит на меня, хлопая ресницами. Карие глаза. Рот открыт, губы кривятся. Призрак изумлен:

- Ты...

- Делаю успехи? - подсказываю я, слишком довольная, чтобы обращать внимание на боль в плече. Похоже на победу, но если бы мы сражались по-настоящему, то рана в плече не позволила бы мне провести финальное движение. Однако же его изумление вызывает у меня восторг не меньше, чем сама победа.

- Хорошо, что Оук будет расти не так, как мы, - прерываю я молчание. - Вдали от Двора. Вдали от всего этого.

Когда я в последний раз видела своего младшего брата, он сидел за столом в квартире Виви и знакомился с мультипликацией, принимая ее за игру в загадки. И ел сырные палочки. И смеялся.

- Когда король вернется, - цитирует Призрак строки баллады, - его путь выстелют лепестки роз, и его шаги положат конец злобе. Но как твой Оук будет

править, если у него будет столько же воспоминаний о Фейриленде, сколько у нас о мире смертных?

Радость от победы меркнет. Призрак смотрит на меня с легкой улыбкой на губах, будто хочет вытащить жало, застрявшее после его слов.

Я иду к ближайшему ручью, погружаю в него ладони, наслаждаясь холодной водой. Зачерпываю пригоршню и с удовольствием пью, чувствуя запах сосновых иголок и ила.

Думаю о своем брате, маленьком Оуке. Совершенно нормальный ребенок фейри, без какой-то особой жестокости, но и не свободный от нее. Привык, что его балует и бережет от бед заботливая Ориана. Сейчас привыкает к сладким злаковым хлопьям, мультикам и жизни без предательства. Размышляю об ощущении триумфа после сомнительной победы над Призраком, о пьянящем чувстве власти, когда стоишь у трона, о странном удовлетворении, которое испытала, глядя на корчившегося от ужаса Вулсибера. К лучшему ли то, что Оук свободен от подобных эмоций, или без них он не сумеет править?

И теперь, когда я почувствовала вкус власти, захочу ли от нее отказаться?

Провожу мокрыми ладонями по лицу, отгоняя эти мысли.

Есть только сейчас. Только завтрашний день и ночь, сейчас, скоро и никогда.

Мы возвращаемся, шагаем рядом, а рассвет уже золотит небо. Издалека доносится рев оленя и звуки, похожие на бой барабанов.

На полпути назад Призрак склоняет голову, словно признавая поражение.

– Сегодня ты меня побила. Больше я такого не позволю.

– Как скажешь, – отвечаю я, ухмыляясь.

Когда добираюсь до дворца, солнце уже высоко, и мне ничего не хочется, только спать. Но, подойдя к своим покоям, я обнаруживаю, что кто-то стоит у двери.

Моя сестра-близняшка Тарин.

– У тебя на щеке будет синяк, – говорит она, и это первые за пять месяцев слова, сказанные мне сестрой.

Глава 4

Волосы Тарин украшены лавровым венком, платье неяркого коричневого цвета расшито золотисто-зеленым узором и подчеркивает изгибы бедер и груди, что необычно для Фейриленда, где тела дам настолько субтильны, что кажутся изнуренными. Наряд ей идет, как и добавивший привлекательности новый изгиб плеч.

Тарин – зеркало, отражающее то, чем я могла бы стать, но не стала.

– Уже поздно, – бормочу я невпопад, отпирая дверь в свои комнаты. – Вот уж не думала, что кто-то еще или уже на ногах.

Рассвет давно наступил. Дворец затих и будет спать до самого полудня, когда в залах появятся пажи, а на кухнях растопят печи. Придворные встанут с постелей гораздо позже, когда полностью стемнеет.

Мне очень хотелось поговорить с сестрой, но теперь, когда Тарин пришла, я нервничаю. Должно быть, ей что-то нужно, раз она появилась так внезапно.

– Я уже дважды приходила, – говорит Тарин, входя за мной следом. – Тебя не было. На этот раз решила дождаться, даже если придется потратить весь день.

Зажигаю лампы; снаружи светло, но мои комнаты в глубине дворца, и, следовательно, окон здесь нет.

– Хорошо выглядишь.

Тарин отмахивается от моего неуклюжего комплимента.

– Мы так и будем все время воевать? Мне хочется, чтобы ты надела венки из цветов и танцевала на нашей свадьбе. Из мира смертных придет Вивьен. Привезет Оука. Мадок обещал не ссориться с тобой. Прошу тебя, скажи, что придешь.

Виви привезет Оука? Я издаю неслышный стон и соображаю, есть ли шанс ее отговорить. Иногда она не желает воспринимать меня всерьез, быть может, оттого, что я ее младшая сестра.

Присаживаюсь, утопая в мягких подушках дивана. Тарин делает то же самое.

Снова ломаю голову, зачем она здесь. Должна ли я просить прощения или сделать вид, что ничего не произошло? Она явно предпочитает последнее.

– Ладно, – говорю я, соглашаясь. Мне так не хватало Тарин, что я боюсь потерять ее снова. Чтобы сохранить сестру, постараюсь забыть, каково оно – целоваться с Локком. И ради себя самой забуду, что она знала про игры, которые он затеял в разгар их романа.

Буду танцевать на свадьбе, хотя, боюсь, этот танец покажется мне пляской на остриях ножей.

Она лезет в стоящую у ног сумку и достает мои мягкие игрушки – кота и змею.

– Вот. Подумала, что ты не хотела бы с ними расставаться.

Это реликвии нашей прежней жизни, талисман из мира смертных. Я беру их и прижимаю к груди, как прижимают подушку. Сейчас они кажутся намеком на мою уязвимость. Снова чувствую себя ребенком, играющим во взрослые игры.

Я даже немножко ненавижу Тарин за то, что она их принесла.

Они – напоминание об общем прошлом, намеренное напоминание, словно сестра не надеется, что я вспомню о нем сама. Из всех сил стараюсь ничего не почувствовать, но нервы как будто обнажены.

Я молчу, и Тарин продолжает сама:

– Мадок тоже по тебе скучает. Ты всегда была его любимицей.

Фыркаю в ответ:

– Виви – его наследница. Его первый ребенок. Это за ней он пришел в мир смертных. Она его любимица. И еще есть ты; ты живешь в его доме и ты его не предавала.

– Я не говорю, что ты до сих пор его любимица, – смеется Тарин. – Хотя Мадок даже гордился тобой, когда ты его переиграла и посадила Кардана на трон. Впрочем, все это глупо. Я думала, ты ненавидишь Кардана. Думала, мы обе его ненавидим.

– Так и было, – бездумно говорю я. – Так и есть.

Тарин как-то странно смотрит на меня.

– Я считала, ты захочешь наказать Кардана за все, что он сделал.

Думаю о его ужасе и желании, когда я, держа приставленный к горлу Кардана кинжал, прижалась ртом к его губам. Вспоминаю извращенное, едкое удовольствие от того поцелуя. Тогда мне казалось, что я наказываю его и себя одновременно.

Я так его ненавидела.

Тарин растревожила все те чувства, о которых мне хотелось забыть.

– Мы пришли к соглашению, – говорю я, и это почти правда. – Кардан соглашается назначить меня советником. Я получаю должность и власть, а Оук оказывается в безопасности. – Хочу рассказать ей остальное, но не смею. Тарин может передать Мадоку, даже Локку. Нельзя делиться с ней секретами, даже из бахвальства.

Признаюсь себе, что мне отчаянно хочется похвастаться.

– А взамен ты дала ему корону Фейриленда... – Тарин смотрит на меня так, словно поражена моей самонадеянностью. В конце концов, кто я такая, чтобы решать судьбу трона Эльфхейма? Всего лишь смертная девушка.

«Мы получаем власть, захватывая ее».

Она даже представить себе не может, насколько я самонадеянна. «Я украла корону Фейриленда, – так и хочется сказать ей. – Верховный Король Кардан, наш старый враг, исполняет мои приказы». Но, конечно, этого я сказать не могу. Иногда мне кажется, что об этом опасно даже думать.

– Что-то вроде того, – коротко отвечаю я.

– Наверное, ответственная работа – быть его советником. – Тарин демонстративно обводит взглядом комнату. Я заняла эти покои, но редко впускаю сюда дворцовую прислугу, потому что ее и так не хватает. Чайные чашки стоят на книжных полках, блюдца и тарелки с кожурой от фруктов и хлебными корками разместились на полу. Одежда валяется там, где я ее бросила, снимая. Повсюду книги и бумаги. – Ты живешь на полную катушку. Но что будет, когда нить закончится?

– Спряду еще, – отвечаю я, продолжая метафору.

– Давай помогу, – оживляется Тарин.

У меня брови ползут на лоб:

– Хочешь стать пряхой?

Она закатывает глаза:

– Ах, успокойся. Я могу заняться тем, на что у тебя не хватает времени. Видела тебя при Дворе. У тебя, наверное, всего два приличных камзола. Могу принести что-нибудь из твоих старых платьев и украшений. Мадок и не заметит, а если и заметит, возражать не станет.

Фейри стараются не оказаться в долгу, избегают обязательств и обещаний. Я выросла среди них и понимаю: то, что предлагает Тарин, – дар, благодеяние взамен извинений.

– У меня три камзола, – уточняю я.

Тарин пожимает плечами:

– Ну, тогда, полагаю, у тебя полный комплект.

Не перестаю думать, почему она пришла. И как раз после того, как Локка назначили Магистром Увеселений. Поскольку сестра до сих пор живет в доме у Мадока, было бы полезно узнать, на чьей же все-таки она стороне.

Мне стыдно за такие мысли. Не хочу судить о ней так, как привыкла судить обо всех остальных. Она моя близняшка, я скучала без нее, надеялась, что придет, и вот Тарин пришла.

– Ладно, – сдаюсь я. – Если хочешь, неси мои старые вещи. Это будет замечательно.

– Отлично! – Тарин встает. – И ты должна признать, что я проявила небывалую выдержку, так и не спросив, где ты провела сегодняшнюю ночь и как получила синяк.

При этих словах я искренне и широко улыбаюсь.

Сестра протягивает руку и пальцем гладит плюшевое тело моей змеи.

– Ты же знаешь, я люблю тебя. Прямо как мистер Шипун. И никому из нас не хочется оказаться в одиночестве.

– Доброй ночи, – говорю я ей, а когда она целует синяк на моей щеке, порывисто и крепко обнимаю ее.

После ухода Тарин я беру свои игрушки и усаживаю рядом с собой на ковер. Когда-то они служили напоминанием о временах до Фейриленда, о нормальной

жизни. Когда-то они утешали меня. Я бросаю на них последний долгий взгляд, а потом одну за другой швыряю в огонь камина.

Я больше не ребенок, и утешения мне не нужны.

Закончив с одним делом, выстраиваю перед собой флаконы из сверкающего стекла.

Это называется митридатизм. Вы принимаете незначительные дозы ядов, чтобы организм выработал устойчивость к полной порции отравы. Я начала год назад – это еще один способ избавиться от собственной уязвимости.

До сих пор наблюдаются побочные эффекты. У меня слишком сильно блестят глаза. Полумесяцы в основании ногтей синюшные, словно в крови не хватает кислорода. И сны странные – они наполнены слишком уж живыми грезами.

Капля красного, как кровь, сока румяных грибов, вызывающих потенциально смертельный паралич. Лепесток «сладкой смерти», от которой впадают в спячку, длящуюся сотню лет. Кусочек прозрачной ягоды – сначала бурление крови в жилах, потом приступ эйфории и, наконец, остановка сердца. И семечко вечного яблока – фейрийского фрукта, – от него у смертных мутится рассудок.

Когда яды проникают в кровь, у меня кружится голова и немного подташнивает, но если я пропущу дозу, станет гораздо хуже. Мое тело привыкло и требует того, что раньше отторгало.

Уместная метафора и для других вещей.

Ползу к дивану и забираюсь на него, а в голове звучат слова Балекина: «Я слышал о смертных, что для них чувство влюбленности сродни чувству страха. Твое сердце бьется быстрее. Ощущения обостряются. Голова кружится, как у пьяного».

Не уверена, что сплю, но грежу.

Глава 5

Я уютно посапываю в гнездышке из одеял, бумаг и свитков прямо на ковре перед камином, когда появляется Призрак. Мои пальцы испачканы чернилами и воском. Осматриваюсь, стараясь припомнить, когда вставала, что писала и кому.

Возле сдвинутой стенной панели, за которой открывается потайной ход в мои покои, стоит Таракан и смотрит на меня своими нечеловеческими, отражающими свет глазами.

Кожа у меня мокрая и холодная от пота. Сердце бешено колотится.

На языке все еще чувствую приторно-горький вкус яда.

– Снова взялся за старое, – говорит Призрак. Мне не нужно уточнять, кого он имеет в виду. Может, я и сумела обманом посадить Кардана на трон, но заставить его вести себя, как подобает королю, пока не умею.

Пока я была в отлучке, добывая информацию, он оставался с Локком. Знала, что будут неприятности.

Провожу по лицу мозолистой ладонью.

– Встаю, – говорю я им.

На мне еще вчерашняя одежда. Отряхиваю и разглаживаю камзол, надеюсь, что выгляжу лучше. Иду в спальню, волосы откидываю назад и перевязываю кожаным шнурком. Все это безобразия прячу под бархатным беретом.

Таракан мрачно рассматривает меня.

– Выглядишь помятой. Что, его величество должен увидеть сенешаля, только что выбравшегося из постели?

– Вал Морен последние десять лет ходит со щепками в волосах, – напоминаю я, доставая из шкафа и засовывая в рот несколько увядших листиков мяты, чтобы

освежить дыхание. Сенешаль последнего Верховного Короля был смертным, как и я, увлекался надуманными пророчествами и, по общему мнению, не дружил с головой. – Кажется, он эти щепки даже не менял.

Таракан хмыкает:

– Вал Морен – поэт. Поэты живут по другим правилам.

Я не обращаю на него внимания и следую за Призраком в потайной ход, ведущий в сердце дворца. Задерживаюсь, чтобы проверить, на месте ли ножи, спрятанные в складках одежды. Шаги Призрака беззвучны, и когда света мало и человеческий глаз ничего не различает, кажется, что я совершенно одна.

Таракан к нам не присоединяется. Ворча под нос, он направляется в противоположную сторону.

– Куда мы идем? – спрашиваю у темноты.

– В его покои, – отвечает Призрак, и мы выходим в коридор, к лестнице, ведущей в комнаты Кардана. – Там какой-то переполох.

С трудом представляю себе, что мог учинить Кардан в своих покоях, но гадать приходится недолго. Добравшись до места, вижу Кардана, развалившегося среди поломанной мебели. С карнизов сорваны портьеры, рамы картин разбиты, сами холсты пробиты насквозь ударами ног, мебель разломана. В углу чадит небольшой костер, повсюду смердит дымом и пролитым вином.

Он не один. На ближайшем диване раскинулся Локк с двумя прелестными фейри – мальчиком и девушкой. Один – с бараньими рожками, другая – с вытянутыми ушами, которые заканчиваются кисточками, как у совы. Все они в разной степени неадекватности и достаточно пьяны. За пожаром в комнате компания наблюдает с каким-то мрачным удовлетворением.

Слуги толпятся в нерешительности, боясь вызвать гнев короля, если зайдут прибраться. Даже телохранители выглядят напуганными. Они растерянно замерли у порога, перед массивными дверными створками, одна из которых едва держится на петлях, и готовы защитить Верховного Короля от любой угрозы –

кроме него самого.

– Кар... – Опомнившись, отвечаю низким поклоном: – Ваше Инфернальное Величество.

Он оборачивается и какое-то мгновение смотрит сквозь меня, будто понятия не имеет, кто я такая. Рот испачкан золотой пылью, зрачки расширены от интоксикации. Потом верхняя губа кривится в знакомой ухмылке:

– Ты.

– Да, – подтверждаю я.

Он протягивает мне мех с вином:

– Выпей. – Его льняная охотничья рубаха с просторными рукавами расстегнута. Ноги босые. Остается только радоваться, что он в штанах.

– Крепкие напитки не по мне, милорд, – говорю я совершенно искренне, предупреждая сузив глаза.

– Я что, не твой король? – спрашивает Кардан, и меня так и подмывает сказать правду. Позволить себе поставить его на место. Но на нас смотрят, поэтому я почтительно беру мех и прижимаю к сомкнутым губам, изображая долгий глоток.

Вижу, что номер не прошел, но Кардан не настаивает.

– Все остальные могут покинуть нас. – Я указываю на фейри и, разумеется, Локка, сидящих на диване: – Вы. Убирайтесь. Сейчас же.

Гости умоляюще смотрят на Кардана, но он их просто не замечает и мне не возражает. Выждав мгновение, фейри сердито набрасывают одежды и уходят через разбитую дверь.

Локку требуется больше времени, чтобы подняться. Уходя, он одаривает меня своей глумливой улыбкой, и я не могу поверить, что когда-то находила ее

очаровательной. Смотрит так, словно мы делим с ним общие секреты, хотя нас вообще ничто не объединяет.

Думаю про Тарин, которая ждала у моих дверей, пока здесь кипело веселье. Интересно, слышала ли она о случившемся. Может, привыкла задерживаться с Локком допоздна в таких компаниях и наблюдать, как горят вещи?

Призрак кивает мне своей песочной головой; глаза его выражают изумление. Одет он в дворцовую ливрею. Для рыцарей в коридоре и всех остальных он просто один из телохранителей Верховного Короля.

– Пойду проверю, чтобы все стояли на своих местах, – говорит Призрак, выходит за дверь и произносит несколько слов, которые остальные рыцари воспринимают как приказ.

– Итак? – Я обвожу взглядом комнату.

Кардан пожимает плечами. Он устроился на освободившемся диване, выщипывает конский волос, торчащий из порванной обшивки. Движения томные. Не знаю, откуда оно взялось, но чувство такое, что задерживать на нем взгляд небезопасно, словно я боюсь заразиться его распушенностью.

– Здесь были и другие гости, – сообщает он, как будто это может служить объяснением. – Они ушли.

– Даже не представляю, с чего бы, – сухо говорю я.

– Они рассказали мне одну историю, – продолжает Кардан. – Жила-была смертная девушка, похищенная фейри. Из-за этого она поклялась уничтожить их.

– Вот как? На самом деле это еще одно доказательство того, насколько ты слаб, как король, раз веришь, что твое правление может привести к гибели Фейриленда.

И все-таки его слова заставляют нервничать. Не хочу, чтобы обсуждали мотивы моего поведения. Меня не должны воспринимать как влиятельную фигуру. Обо

мне вообще не должны думать.

В комнату возвращается Призрак и закрывает поплотнее дверь. В карих глазах – озабоченность.

Снова поворачиваюсь к Кардану:

– За мной прислали не из-за этой сказочки. Что случилось?

– Вот что, – говорит он и, пошатываясь, направляется в комнату с ложем. Глубоко войдя в расщепленное дерево, из изголовья кровати торчат две черные арбалетные стрелы.

– Ты пришел в ярость оттого, что кто-то из гостей расстрелял твою кровать? – догадываюсь я.

Кардан хохочет.

– Целились не в кровать. – Он откидывает полу рубашки, и я вижу дырку в материи и свежую полосу содранной кожи.

У меня перехватывает дыхание.

– Кто это сделал? – требовательно спрашивает Призрак. Потом, взглядевшись в Кардана пристальней, добавляет: – И почему стража у дверей ведет себя так странно? Они не похожи на телохранителей, которым не удалось предотвратить покушение на жизнь господина.

Кардан пожимает плечами:

– Похоже, они считают, что это я стрелял в гостей.

Делаю шаг к ложу и замечаю несколько капель крови на одной из брошенных подушек. Здесь же раскиданы белые цветы, кажется, что они растут из простыней.

– Еще кого-нибудь ранили?

Он кивает.

– Стрела попала ей в ногу, она визжала и вообще вела себя, как безумная. А поскольку здесь никого больше не было, все подумали, что стрелял я. Настоящий стрелок ушел сквозь стену. – Прищурив глаза, он укоризненно смотрит то на Призрака, то на меня и покачивает головой. – Похоже, здесь есть какие-то тайные ходы.

Дворец Эльфхейма построен в холме; в самом центре расположены апартаменты прежнего Верховного Короля Элдреда. По их стенам ползут корни и цветущая виноградная лоза. Весь двор предполагал, что Кардан поселится там, но он выбрал покои как можно дальше, возле самой макушки холма, с хрустальными панелями, встроенными в землю наподобие окон. До его восшествия на престол эти комнаты считались наименее престижными во всей королевской резиденции. Обитателям дворца пришлось перебираться поближе к новому Верховному Королю. А старое жилище Элдреда, заброшенное и слишком просторное для любого, кто мог занять его по праву рождения, осталось пустовать.

Способов пробраться в покои Кардана я знаю немного. Это прежде всего единственное большое окно из толстых хрустальных пластин – правда, оно зачаровано так, что разбить пластины невозможно, – и пара двойных дверей. А теперь, похоже, еще и потайной ход.

– Его нет на нашей карте туннелей, – заявляю я.

– Ах вот как! – Похоже, он мне не верит.

– Ты видел, кто в тебя стрелял? И почему не рассказал стражникам, что на самом деле произошло? – спрашиваю я сердито.

Кардан со злостью смотрит на меня!

– Я видел только черное пятно. А стражникам не рассказал потому, что прикрывал тебя и Двор теней. Решил, что вам не понравится, если вся охрана

короля вломится в ваши секретные туннели!

На это мне возразить нечего. Кардан очень умело изображает дурачка, чтобы скрыть свою сообразительность, и это тревожит.

Напротив ложа расположен шкаф, встроенный в стену по всей ее длине. На фронте изображены часы с созвездиями вместо цифр. Стрелки часов указывают на созвездие, предсказывающее появление идеальной возлюбленной.

Изнутри шкаф выглядит как самый обычный платяной и завален одеждой Кардана. Я выбрасываю их в комнату – на полу вырастает куча из бархатных манжетов, атласа и кожи. С кровати горько ухмыляется Кардан.

Прижимаю ухо к деревянному заднику. Прислушиваюсь к свисту сквозняка, стараюсь ощутить его кожей. На другом конце шкафа Призрак занят тем же. Его пальцы нащупывают задвижку, и легкая дверца распаивается перед ним.

Мне известно, что весь дворец изрыт тайными галереями, но я и подумать не могла, что одна из них ведет прямо в спальню Кардана. Хотя... Нужно было обследовать каждый дюйм каждой стены в его покоях. Могла бы, по крайней мере, поручить это одному из наших шпионов. Но я от этого отстранилась, потому что стараюсь поменьше находиться рядом с Карданом.

– Останься с королем, – командую я Призраку, беру свечу и ныряю в темноту за дверцей, снова избегая возможности остаться с ним наедине.

Туннель слабо освещен; из стены выступают золотые руки с факелами, которые горят зеленым бездымным пламенем. Каменный пол покрыт потертой ковровой дорожкой – необычная декоративная деталь для потайного хода.

Не успеваю пройти и нескольких футов, как нахожу арбалет. Это не компактная вещь, какой пользовалась я. Массивный, больше чем в половину моего роста, и видно, что его сюда волокли – замечаю, что ковровая дорожка сбита и собралась в складки по направлению к дверце в шкафу.

Кто бы ни стрелял, он стрелял отсюда.

Перепрыгиваю через арбалет и шагаю дальше. Предполагается, что подобные галереи имеют множество ответвлений, но здесь нет ни одного. Туннель уходит все глубже, понижаясь каскадами через определенные промежутки, но направление не меняет, идет строго вперед. Я спешу, иду все быстрее и быстрее, ладонью защищая пламя свечи.

Наконец упираюсь в тяжелую деревянную плиту с резным изображением королевского герба, такого же, как на перстне-печатке Кардана.

Толкаю ее, и она разворачивается по оси. По другую сторону плиты – книжные полки.

До сих пор о величественных палатах Верховного Короля Элдреда, расположенных в самом сердце дворца, я знала только понаслышке. Их стены пронизаны мощными корнями, идущими вниз от престола. Никогда прежде я здесь не бывала, но по описаниям понимаю, куда попала. Держа в одной руке свечу, а в другой нож, иду через громадные, похожие на пещеры, залы Элдреда.

И обнаруживаю Никасию с заплаканным лицом, сидящую на ложе Верховного Короля.

Дочка Орлаг, Принцесса Подводного королевства, выросшая при Дворе Верховного Короля в качестве залога по мирному договору между Орлаг и Элдредом. Соглашение было заключено много десятилетий назад. Никасия входила в четверку самых близких и отвратительных друзей Кардана. Была его возлюбленной, пока не изменила ему с Локком. С тех пор как Кардан взошел на трон, я нечасто видела ее рядом с ним, но если он и игнорировал Никасию, то вряд ли это можно считать смертельным оскорблением.

Не об этом ли Балекин шептался с посланцами королевы Орлаг? Может, именно таким способом они намеревались устранить Кардана?

– Ты? – восклицаю я. – Ты стреляла в Кардана?

– Не говори ему! – Она с яростью смотрит на меня и вытирает глаза. – И убери этот нож.

Гляжу на густо расшитый фениксами халат, плотно обернутый вокруг ее тела. Блестящие серьги украшают мочки и взбираются по краю до самых кончиков голубоватых перепончатых ушей. С того дня, когда мы в последний раз виделись, ее волосы стали темнее. Они всегда меняют цвет, как морская вода, и сейчас глубоким черно-зеленым отливом напоминают штормовое море.

- Ты сошла с ума? - кричу я. - Ты пыталась убить Верховного Короля Фейриленда!

- Не пыталась, клянусь, - отвечает она. - Хотела убить девчонку, которая с ним была.

На секунду я так огорошена холодной жестокостью ее слов, что не могу говорить.

Снова смотрю на Никасию, на халат, в который она кутается. Слова ее эхом звучат в голове, и внезапно до меня доходит, как все произошло.

- Ты хотела сделать ему сюрприз, появившись в спальне.

- Да, - подтверждает Никасия.

- Но Кардан оказался не один... - продолжаю, надеясь, что она закончит предложение.

- Когда я увидела арбалет на стене, то решила, что прицелиться будет не так уж трудно, - говорит Никасия, забывая рассказать, как тащила оружие по галерее, хотя арбалет большой и тяжелый, и сделать это оказалось непросто. Представляю себе ее бешенство и полное помешательство.

Хотя, конечно, не исключено, что все делалось с холодным расчетом и на ясную голову.

- Знаешь, а ведь это государственная измена, - громко произношу я, замечая, что меня начинает трясти. Это шок от покушения на Кардана, от осознания того, что его могли убить. - Тебя приговорят к смерти. Заставят танцевать в раскаленных железных башмаках, пока не умрешь. А если заключат в Башню

забвения, считай, что тебе повезло.

– Я – Принцесса Подводного королевства, – надменно заявляет она, но видно, что мои слова дошли до нее и Никасия потрясена. – Я не подсудна законам суши. Кроме того, говорю тебе, я в него не целилась.

Теперь объяснимо ее мерзкое поведение в школе: она думала, что ее нельзя наказывать.

– Ты раньше когда-нибудь пользовалась арбалетом? – спрашиваю я. – Ты подвергла жизнь короля опасности. Он мог погибнуть. Понимаешь, идиотка, он мог погибнуть!

– Я сказала тебе... – продолжает бубнить она.

– Да-да, соглашение между морем и сушей, – перебиваю я сердито. – Но по чистой случайности мне известно, что твоя мать намерена разорвать договор. Видишь ли, могут сказать, что его заключали Королева Орлаг и Верховный Король Эдред, а не Королева Орлаг и Верховный Король Кардан. Договор больше не действителен. А это значит, что он тебя не защитит.

Никасия таращится на меня. Теперь она по-настоящему испугалась.

– Откуда ты знаешь?

«Раньше не была уверена, – думаю про себя, – а теперь знаю».

– Скажем так: мне известно все, – вместо ответа заявляю я. – Все. И всегда. Хотя я собираюсь предложить тебе сделку. Сообщу Кардану, страже и вообще всем, что стрелок убежал, если ты кое-что сделаешь для меня.

– Согласна, – говорит Никасия еще до того, как я успеваю изложить условия. Она явно в отчаянии. На секунду во мне поднимается желание отомстить. Когда-то она смеялась надо мною, униженной. Теперь у меня есть возможность позлорадствовать.

Так вот какова власть на вкус, чистая, ничем не ограниченная власть. Это восхитительно.

– Расскажи мне, что планирует Орлаг, – требую я, отбрасывая все посторонние мысли.

– Я думала, ты все уже знаешь, – сердито произносит она, подвигаясь, чтобы встать с ложа. Одной рукой Никасия придерживает халат. Думаю, под ним у нее мало что надето. А может, вообще ничего.

«Тебе надо было просто войти туда, – внезапно хочется сказать мне. – Войти и сказать, чтобы он забыл про другую девушку. Может, он так и сделал бы».

– Ты хочешь купить мое молчание или нет? – спрашиваю я, присаживаясь на край постели. – У нас остается не так много времени до того, как меня отправятся искать. Если тебя увидят, поздно будет оправдываться.

Никасия издает протяжный страдальческий вздох.

– Моя мать сказала, что он молодой и слабый король, что слишком подвержен чуждому влиянию. – Она высокомерно смотрит на меня. – Мать рассчитывает, что он удовлетворит ее требования. Если да, то ничего не изменится.

– А если нет?

Она вздергивает подбородок:

– Тогда перемирие между сушей и морем закончится и пострадает суша. Острова Эльфхейма погрузятся в волны.

– И что потом? – спрашиваю я. – Вряд ли вам с Карданом удастся объясниться, если твоя мать устроит потоп.

– Ты не понимаешь. Она хочет, чтобы мы поженились. Хочет, чтобы я стала королевой.

Я так изумлена, что какое-то время просто смотрю на нее, сдерживая приступ безудержного истерического смеха.

- Ты его едва не убила.

Она смотрит на меня равнодушно:

- Ну и что, ты же убила Валериана, разве нет? Я виделась с ним ночью перед тем, как он исчез. Валериан говорил о тебе, клялся, что ты заплатишь за удар ножом. Говорили, что он умер на коронации, но я так не думаю.

Тело Валериана зарыто в поместье Мадока, за конюшнями, и если бы его нашли, я бы об этом уже услышала. Это ее догадки.

А даже если убила, то что? Я – правая рука Верховного Короля Фейриленда. Он может простить мне любое преступление.

И все же воспоминание о той ночи пробуждает во мне ужасное напряжение схватки за собственную жизнь. Я думаю о том, что Никасия наслаждалась бы рассказом о моей смерти, как наслаждалась всеми унижениями, которым меня подвергали. Как наслаждалась ненавистью Кардана ко мне.

- Когда в следующий раз ты поймаешь меня на месте преступления, тогда и будешь выпытывать мои секреты, – говорю я. – А сейчас мне хотелось бы знать, что твоя мать намерена делать с Балекином.

- Ничего, – отвечает Никасия.

- А я думала, что Воздушный народ не умеет лгать.

Никасия прохаживается по комнате. На ногах у нее комнатные тапочки, их носки загнуты, как раковины улитки.

- Я не лгу! Мать уверена, что Кардан согласится на ее условия. Она просто льстит Балекину. Позволяет ему думать, что он еще что-то значит. А он не значит ровным счетом ничего. И не будет значить.

Пытаюсь сложить воедино кусочки головоломки.

- Потому что он - ее запасной вариант на случай отказа Кардана жениться на тебе?

У меня голова идет кругом; помимо прочего, я осознаю, что не могу позволить Кардану жениться на Никасии. Если это произойдет, то убрать их обоих с трона станет невозможно. И Оук никогда не будет править.

А я потеряю все.

Сузив глаза, Никасия смотрит на меня:

- Я сказала тебе достаточно.

- Ты все еще думаешь, что мы в игрушки играем, - говорю я.

- Вся жизнь - игра, Джуд, - отвечает Никасия. - Ты это знаешь. А теперь твой ход. - С этими словами она идет к огромным дверям и отворяет одну створку. - Иди к ним и, если хочешь, расскажи все, только знай: кто-то, кому ты веришь, уже предал тебя. - Слышу, как по камням шлепают ее тапочки, а потом с тяжелым стуком закрывается дверь.

Возвращаюсь по тайной галерее, а в голове полная неразбериха. Кардан ждет в главном зале своих покоев и, развалившись на диване, встречает меня испытующим взглядом. Рубаха до сих пор распахнута, но рана закрыта свежей повязкой. В пальцах танцует монетка - узнаю один из трюков Таракана.

«Кто-то, кому ты веришь, уже предал тебя».

Через разбитую дверь заглядывает Призрак; он стоит на посту с телохранителями Верховного Короля. Встречаюсь с ним взглядом.

- Ну? - спрашивает Кардан. - Узнала что-нибудь о моем предполагаемом убийце?

Качаю головой, не осмеливаясь лгать вслух. Обвожу взглядом обломки мебели. Их уже не спасти, и этот хлам смердит гарью.

– Идем, – говорю Кардану, беру за руку и помогаю встать на нетвердые ноги. – Тебе здесь нельзя спать.

– Что с твоей щекой? – интересуется он, пытаюсь сфокусировать на мне затуманенный взор. Он так близко, что я вижу длинные ресницы, золотые дужки вокруг черных зрачков.

– Ничего.

Кардан позволяет мне отвести его в коридор. Как только мы появляемся, Призрак и остальные стражники встают по стойке «смирно».

– Вольно, – говорит Кардан и машет рукой. – Мой сенешаль меня куда-то уводит. Не беспокойтесь. Уверен, у нее есть какой-то план.

Телохранители остаются позади, некоторые хмурятся, наблюдая, как я то ли веду, то ли тащу его к своим покоям. Самой мне эта мысль очень не нравится, но нет уверенности, что в другом месте он будет в безопасности.

Кардан удивленно оглядывает царящий в моих комнатах беспорядок.

– Ты в самом деле здесь спишь? Может, и огонь разводишь сама?

– Может быть, – говорю я, подводя его к постели. Странно чувствовать свою руку на его спине. Сквозь льняную рубашу ощущаю тепло его кожи, движение мышц.

Мне кажется неправильным касаться его вот так, словно мы обычные люди, словно он не Верховный Король и одновременно – мой враг.

Лечь на мою кровать и положить голову на подушку уговаривать не приходится. Черные как вороново крыло волосы рассыпаются по наволочке. Он смотрит на меня своими глазами цвета ночи, красивый и в то же время отталкивающий.

– В какой-то момент мне подумалось, уж не ты ли стреляла в меня, – произносит он.

Делаю удивленное лицо:

- А почему ты решил, что не я?

Кардан ухмыляется:

- Потому что они промахнулись.

Он обладает даром говорить комплименты, причиняющие боль. Но умеет высказывать и такое, что звучит как оскорбление, но соответствует действительности.

Наши глаза встречаются, и между нами проскакивает какая-то опасная искра.

«Он тебя ненавидит», - напоминаю себе.

- Поцелуй меня снова, - просит Кардан противным пьяным голосом. - Целуй, пока меня от этого не затошнит.

Эти слова - как удар в живот. Он видит выражение моего лица и хохочет. Смех звучит издевательски. Не знаю, над кем из нас Кардан смеется.

«Он тебя ненавидит. Даже если испытывает желание, все равно ненавидит тебя.

Может, из-за этого ненавидит сильнее».

Секунду спустя он закрывает глаза. Голос ослабевает до шепота, словно говорит сам с собой.

- Если ты болезнь, то, полагаю, ты не можешь быть и лекарством.

Король погружается в сон, но мне не до сна.

Все утро сижу в своей спальне на стуле, прислонившись спиной к стене. Отцовский меч лежит на коленях. Не перестаю думать о Никасии.

«Ты не понимаешь. Она хочет, чтобы мы поженились. Хочет, чтобы я стала королевой».

Сижу через комнату от него, но взгляд то и дело скользит к кровати и к раскинувшемуся на ней Кардану.

Глаза закрыты, черные волосы разметались по моей подушке. Поначалу он все не мог улечься поудобнее, путался ногами в простынях, но в конце концов прекратил вертеться, и дыхание стало ровным. Сейчас его странная, отталкивающая красота еще заметнее – чувственный рот, слегка приоткрытые губы и ресницы, такие длинные, что касаются щек, когда он смыкает веки.

Я привыкла к красоте Кардана, но сейчас он выглядит еще и уязвимым. Без причудливого наряда, ядовитых высказываний и ехидных взглядов он кажется обычным молодым человеком, и я чувствую себя неудобно, подсматривая за ним.

Все пять месяцев нашего соглашения я стремилась предвосхищать самое худшее. Отдавала ему распоряжения, запрещающие избегать, игнорировать, избавляться от меня. Разработала правила, не позволяющие обманом завлекать смертных в многолетнюю кабалу, и заставила Кардана принять их в качестве законов.

Но мне всегда казалось, что я делаю недостаточно.

Вспоминаю нашу с ним прогулку в сумерках по дворцовым садам. Кардан держал руки сцепленными за спиной, но остановился понюхать огромный цветок белой, в пурпурных крапинках, розы, потом сорвал его и подбросил в воздух. И посмотрел на меня, ухмыляясь и выгнув бровь, а я слишком нервничала и не смогла улыбнуться в ответ.

Поодаль, вдоль дворцовой ограды, двигалась полдюжина рыцарей из его личной охраны, к которой уже тогда принадлежал и Призрак.

Я тщательно обдумала все, что собиралась ему сказать, и чувствовала себя дурочкой, которая, вместо исполнения одного желания, рассчитывает хитростью обеспечить себе целую дюжину, если правильно составит предложение.

– Я собираюсь отдать тебе несколько приказов.

– В самом деле? – спросил он. Корона Эльфхейма, сдвинутая на лоб Кардана, ловила отсветы заката.

Набрав в грудь воздуха, я начала:

– Ты никогда не откажешь мне в аудиенции и не отдашь распоряжения не допускать меня к себе.

– А почему мне должно прийти в голову не допускать тебя к себе? – сухо спросил он.

– И ты никогда не отдашь приказ арестовать, бросить в тюрьму или убить меня, – продолжила я, не обращая внимания на его вопрос. – И не причинишь никакого вреда. Даже под стражу не возьмешь.

– А как насчет распоряжения подложить тебе в сапожок острый камешек? – поинтересовался он с серьезной миной.

Я бросила на него уничижительный взгляд:

– И ты сам никогда не поднимешь на меня руку.

Он сделал жест, означавший, что все эти требования – явная нелепица, а высказывать такого рода приказы вслух – просто непорядочно.

Я же продолжала:

– Каждый вечер ты будешь встречаться со мной в своих покоях еще до обеда, чтобы мы могли согласовать политику. Если ты узнаешь, что мне грозят неприятности, то должен предупредить. И ты обязан пресекать любую попытку узнать, каким образом я тебя контролирую. И пусть тебе противно исполнять

роль Верховного Короля, ты должен делать вид, что все наоборот.

– Мне не противно, – произнес он, глядя в небо.

Изумившись, я повернулась к нему:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Мне не противно быть Верховным Королем, – повторил он. – Не всегда. Думал, что возненавижу эту роль, но этого не произошло. Понимай, как хочешь.

Я занервничала, потому что гораздо проще было считать, что он не способен к правлению и, следовательно, не заинтересован в нем. Всякий раз, глядя на Кровавую корону на его голове, я притворялась, что ее там нет.

Меня не насторожило даже то, как быстро он убедил джентри, что имеет право верховенствовать над ними. Его репутация жестокого принца заставила их проявлять осмотрительность и не прекословить ему. Вместе с тем они рассчитывали, что позволительны будут самые разнузданные удовольствия.

– Значит, тебе нравится быть моей пешкой? – спросила я.

Кардан лениво улыбнулся, словно мой укол не беспокоил его:

– Пока.

Я строго посмотрела на него:

– Осталось больше, чем прошло.

– Ты получила власть надо мной на один год и один день, – сказал он. – За год и один день многое может случиться. Можешь отдавать мне любые приказы, но ты не сумеешь предусмотреть всего.

Раньше я выводила его из себя, злила и заставляла терять самоконтроль, но постепенно мы поменялись ролями. С тех пор не было дня, чтобы я не

чувствовала, что то и дело топчусь на месте.

Смотрю на него, растянувшегося на моей постели, и понимаю, что совершенно выбита из колеи.

Далеко за полдень, когда солнце всю заливает Холм, в комнату врывается Таракан. На плече у него сова с лицом хоба; когда-то она служила посланницей у Дайна, теперь доставляет вести для Двора теней. Отзывается на имя Львиный Зев, хотя не знаю, может, это конспиративная кличка.

– Тебя хочет видеть Живой совет, – сообщает Таракан. Львиный Зев слепо тарачится на меня черными глазами и моргает.

Я испускаю стон.

– По правде говоря, они хотят видеть его, – Таракан кивает на кровать. – Но вызвать могут только тебя.

Встаю и потягиваюсь. Потом, опоясавшись ремнем с ножнами, иду в гостиную, чтобы не разбудить Кардана.

– Как там Призрак?

– Отдыхает, – говорит Таракан. – По поводу прошедшей ночи ходит много слухов, даже среди дворцовой стражи. Сплетники начали плести свою паутину.

Направляюсь в ванную, чтобы помыться. Полощу рот соленой водой, тру лицо и подмышки полотенцем, пропитанным мыльным раствором с лимоном и вербеной. Расчесываю волосы, и... на большее не хватает сил.

– Полагаю, ход ты уже проверил, – говорю Таракану.

– Проверил, – откликается он. – И понял, почему его нет на наших картах. Он не связан с другими туннелями, в нем нет ответвлений. Я даже не уверен, что его строили одновременно с остальными потайными галереями.

Размышляю над нарисованными часами с созвездиями. Звезды, подсказывающие самых подходящих любовниц.

– Кто там спал до Кардана? – задаю вопрос.

Таракан пожимает плечами:

– Кое-кто из народа. Ничего особенного. Гости короны.

– Любовницы, – произношу я, наконец, сводя концы с концами. – Любовницы Верховного Короля, которые не являлись постоянными наложницами.

– Гм. – Таракан кивком указывает на мою спальню, где спит Кардан: – И наш Верховный Король выбрал себе такое место? – Он со значительным видом смотрит на меня, словно я знаю ответ и на эту загадку. По моему мнению, никакой загадки здесь нет.

– Не знаю, – отвечаю я.

Он качает головой:

– Тебе лучше отправляться на заседание Совета.

Чувствую облегчение от того, что, когда Кардан проснется, меня тут уже не будет.

Глава 7

Живой совет был создан в правление Элдреда якобы для помощи Верховному Королю в принятии решений; к настоящему моменту он превратился в группу, с которой трудно спорить. Не то чтобы эти министры обладали реальной силой – хотя многие из них выглядят весьма внушительно, – но как коллективный орган власти совет имеет полномочия принимать множество мелких решений, касающихся управления королевством. Все вместе взятые, эти незначительные

решения могут наложить ограничения на самого короля.

После сорванной коронации и убийства королевской семьи, после неразберихи с короной совет стал весьма скептически относиться к молодости Кардана, его также чрезвычайно смущает мое восхождение к власти.

Львиный Зев сопровождает меня к месту проведения заседания – столу из окаменевшей древесины под куполом, образованным ветвями ив. Министры наблюдают, как я шагаю к ним по траве; я, в свою очередь, разглядываю их. Неблагой министр – тролль с густой косматой гривой волос и вплетенными в нее кусочками металла. Благой министр – зеленая женщина, похожая на богомола. Главный генерал – Мадок. Королевский астролог – очень высокий темнокожий человек со скульптурной бородой и небесными символами, украшающими длинный водопад тяжелых синих волос. Министр ключей старый сморщенный хоб с бараными рожками и козлиными глазками. Главный шут в пурпурном шутовском наряде, оттененном венком из роз цвета бледной лаванды на голове.

Весь стол уставлен графинами с водой и вином, блюдами с сухофруктами.

Я наклоняюсь к одному из слуг и посылаю его за чайником самого крепкого чая, какой он только сможет найти. Я в нем очень нуждаюсь.

Рандалин, Министр ключей, сидит в кресле Верховного Короля; на деревянной спинке похожего на трон сиденья выжжен королевский герб. Беру на заметку это новое распределение мест и делаю соответствующие выводы. За пять месяцев после принятия королевской мантии Кардан ни разу не посетил заседание совета. Пустует только одно кресло – между Мадокком и Фалой, Главным шутом. Остаюсь стоять.

– Джуд Дуарте, – произносит Рандалин, сверля меня взглядом, – где Верховный Король?

Стоять перед советом – вещь всегда волнительная, а присутствие Мадока нервирует меня еще больше. Чувствую себя ребенком, которого распирает желание сказать или сделать что-то умное. Какая-то часть меня горит желанием доказать, что я значу больше, чем они думают, что я не слабая и недалекая ставленница слабого и недалекого короля.

Хочется доказать, что Кардан выбрал в сенешали смертную не только потому, что она умеет лгать.

– Я здесь вместо него, – заявляю я. – Буду говорить от его имени.

Рандалин бросает на меня испепеляющий взгляд.

– Ходят слухи, что прошлой ночью он стрелял в одну из своих любовниц. Это правда?

Слуга ставит возле моего локтя посудину с чаем, и я благодарна ему за возможность подкрепиться и взять паузу, чтобы не отвечать немедленно.

– Придворные сегодня рассказали мне, что девушка надела ножной браслет с рубиновыми подвесками, присланный ей с извинениями, но сама стоять пока не может, – сообщает Нихар, представительница Благих, и кривит свои маленькие зеленые губки: – Я нахожу все это дурным тоном.

Фала Шут хохочет – ему случившееся явно по вкусу.

– Рубины за капли пролитой рубиновой крови.

Не может быть! Кардан не успел бы устроить это дело за то время, что я шла из своих покоев до места заседания совета. Но это не значит, что кто-то другой не попытался замять скандал вместо него. Каждый старается угодить королю.

– А вы предпочли бы, чтобы он ее убил? – спрашиваю я. Мои способности к дипломатии явно слабее склонности обострять ситуацию. Кроме того, я устала.

– Я бы не возражал, – заявляет, хихикая, Миккел, представитель Неблагих. – Чем дальше, тем больше наш Верховный Король кажется Неблагим, и, думаю, мы будем у него в милости. Теперь, когда мы знаем, что ему нравится, устроим такую гулянку, о какой его Магистр Увеселений и не мечтает.

– Рассказывают и другое, – продолжает Рандалин. – Будто бы один из стражников стрелял в Верховного Короля Кардана, чтобы спасти жизнь той придворной. Будто бы она носит королевского наследника. Ты должна сказать

Верховному Королю, что совет готов помочь ему наставлениями, чтобы его правление не омрачалось подобными сплетнями.

– Будьте уверены, так и сделаю, – заверяю я.

Королевский астролог Бафен испытующе смотрит на меня, словно читает мое намерение ни о чем Кардану не рассказывать.

– Верховный Король связан со страной и со своими подданными. Король – живой символ, бьющееся сердце, звезда, на которой начертано будущее Эльфхейма. – Он говорит спокойно, и все же каким-то образом его слова производят сильное впечатление. – Конечно, вы заметили, что с началом его царствования острова изменились. Штормы наступают быстрее. Цвета стали немного насыщеннее, запахи резче. В лесах видели тварей. Древних тварей, про которых думали, что они уже давно покинули этот мир. Но они вернулись, посмотреть на короля. Когда он пьян, его подданные хмелеют без вина. Когда проливается его кровь, являются твари. Почему бы и нет – Верховная Королева Мэб вызвала Инсмир, Инсмур и Инсуил из моря. Все острова Эльфхейма появились за один-единственный час.

Чем дольше говорит Бафен, тем быстрее стучит мое сердце. Легкие стонут, словно им не хватает воздуха. Потому что все им сказанное не применимо к Кардану. Он не может быть так основательно связан со страной, не способен влиять на все это, потому что находится под моим контролем.

Я думаю о крови на покрывале его ложа и разбросанных рядом белых цветах.

«Когда проливается его кровь, являются твари».

– Итак, – вступает Рандалин, которому невдомек, что у меня голова кругом идет, – вы можете видеть, что всякое решение Верховного Короля меняет Эльфхейм и влияет на его обитателей. В правление Элдреда, когда родился ребенок, его обязательно приносили к королю, чтобы он возложил на нового подданного обязательства перед страной. Но некоторые наследники в Нижних Дворах выросли в мире смертных, вне досягаемости Элдреда. Эти дети-перевертыши вернулись и правят, не присягнув Кровавой короне. По крайней мере, один Двор сделал такого перевертыша Королевой. И кто знает, сколько диких из народа сумели уклониться от клятвы. И генеральша Двора зубов, Грима

Мог, похоже, покинула свой пост. Никто не знает, что она намеревается делать. Мы не можем позволить себе беспечность со стороны Верховного Короля.

Про Гриму Мог я слыхала. Она страшна, но не до такой степени, как Орлаг.

– Нам нужно присматривать и за Королевой Подводного мира, – говорю я. – У нее есть план, и она собирается выступить против нас.

– Что такое? – спрашивает Мадок, впервые проявляя интерес к разговору.

– Невозможно, – заявляет Рандалин. – И где ты могла это услышать?

– Балекин встречался с ее представителями, – объясняю я.

Рандалин фыркает:

– Полагаю, ты узнала об этом от принца лично?

Если бы я прикусила язык чуть сильнее, то прокусила бы его насквозь.

– Мне известно об этом не из одного источника. Если Орлаг заключала союз с Элдредом, то теперь он недействителен.

– У морского народа холодные сердца, – говорит Миккел, слова которого поначалу звучат так, словно он соглашается со мной, но потом я понимаю, что он придерживается иного мнения.

– Почему бы Бафену не проверить свои звездные таблицы? – умиротворяющим тоном предлагает Рандалин. – Если окажется, что звезды пророчат угрозу, мы это обсудим.

– Говорю вам... – решаюсь настаивать я, чувствуя раздражение.

В этот момент Фала прыгает на стол и начинает танцевать – насколько я понимаю, демонстративно. Мадок взрывается смехом. На плечо к Нихар слетает птица, и они принимаются сплетничать, выписывая трели и щебеча.

Ясно, что никто из них мне не верит. В конце концов, разве может быть такое, что мне известно нечто, не известное им? Я слишком молода, неопытна, да к тому же смертная.

- Никасия... - снова начинаю я.

Мадок улыбается:

- Твоя школьная подружка.

Мне хочется сказать Мадоку, что если он до сих пор заседает в совете, то только благодаря мне. Несмотря на то что он пронзил Дайна собственной рукой, Мадок - Главный генерал. Я могла бы сказать, что хочу оставить его при деле, что пусть лучше его клинок служит нам, чем обернется против, что моим шпионам легче следить за ним, когда он на глазах, но в глубине души понимаю, что он лишь потому Главный генерал, что мне не хватило решимости оставить без должности моего отца.

- Остается еще вопрос с Гримсеном, - начинает Миккел, словно я вообще ничего не говорила. - Верховный Король принял кузнеца Алдеркинга, создателя Кровавой короны. Сейчас он живет среди нас, но пока на нас не работает.

- Мы должны его приветить, - говорит Нихар, являя пример редкого между Благими и Неблагими единодушия. - Магистр Увеселений запланировал праздник на Охотничью Луну. Может, он включит в него представление в пользу Гримсена.

- Зависит от того, чем собирается заняться Гримсен, - замечаю я, отказываясь от попыток убедить их в зловещих планах Орлаг. Приходится рассчитывать только на себя.

- Возможно, копаться в земле, - говорит Фала. - Искать всякие трофеи.

- Трюфели, - автоматически поправляет Рандалин.

- О нет, - возражает Фала, морща нос. - Не их.

– Я попытаюсь выяснить, какие развлечения он предпочитает. – Рандалин сделал пометку на листке бумаги. – Мне также сообщили, что на празднование Охотничьей Луны прибудет представитель Двора термитов.

Стараюсь не выказать своего удивления. Двор термитов, возглавляемый лордом Ройбеном, оказал содействие в восхождении Кардана на престол. А за это я обещала лорду Ройбену услугу, когда он попросит. Понятия не имею, чего он захочет, но сейчас дополнительные сложности некстати.

Рандалин прочищает горло и поворачивается ко мне, сверля глазами:

– Передай наши сожаления Верховному Королю, скажи, что у нас нет возможности подать совет напрямую, и сообщи, что мы готовы прийти на помощь. Если не сумеешь выразить это, мы найдем другие способы его уведомить.

Я коротко кланяюсь и не отвечаю на слова, прозвучавшие открытой угрозой.

Я уйду, но Мадок догоняет меня и идет рядом.

– Я так понимаю, ты поговорила с сестрой. – Его мохнатые брови насуплены – знак озабоченности.

Я передергиваю плечами, памятуя о том, что он сегодня ни слова не сказал, чтобы поддержать меня.

Мадок бросает на меня нетерпеливый взгляд:

– Только не говори мне, как сильно ты занята этим мальчишкой-королем, хотя допускаю, что он требует внимания.

Каким-то образом в нескольких словах он изобразил меня непослушной девочкой, а себя – переживающим отцом.

Я вздыхаю и сдаюсь:

– Я разговаривала с Тарин.

– Хорошо, – произносит он. – Ты слишком одинока.

– Только не делай вид, что тревожишься обо мне, – прошу я. – Это оскорбляет нас обоих.

– Не веришь, что я могу о тебе заботиться после того, как ты предала меня? – Он рассматривает меня своими кошачьими глазами. – Я все еще твой отец.

– Ты убийца моего отца, – выпаливаю я.

– Я могу быть и тем, и другим. – Мадок улыбается, показывая клыки.

Пробуя его напугать, я добилась лишь того, что испугалась сама. Месяцы прошли, но в памяти остается свежим тот его последний выпад, когда он внезапно понял, что отравлен. Помню, как он смотрел – словно хотел разрубить меня надвое.

– Вот почему не нужно делать вид, что не злишься на меня.

– О, я сержусь, дочка, но я еще и тревожусь. – Он бросает презрительный взгляд в сторону Дворца Эльфхейма. – Это действительно то, чего ты хотела? Его?

Как и в разговоре с Тарин, я задыхаюсь от объяснений, которые не могу озвучить.

Молчу, и он приходит к собственному заключению:

– Как я и думал. Я недооценил тебя. Пренебрег твоим желанием стать рыцарем. Не учел твоей склонности к стратегии, к насилию, твоей жестокости. Все это были мои ошибки, и я их больше не повторю.

Трудно понять, что это – угроза или извинения.

– Кардан теперь Верховный Король, и я поклялся служить ему, пока он носит Кровавую корону, – продолжает Мадок. – Но ты клятвами не связана. Если сожалеешь о сделанном ходе, сделай другой. Игра продолжается.

– Я уже выиграла, – напоминаю я.

Он улыбается:

– Мы еще поговорим.

Мадок уходит, а я не могу отделаться от мысли, что лучше бы он продолжал меня игнорировать.

Глава 8

В покоях Верховного Короля Элдреда встречаюсь с Бомбой. На этот раз я намерена обследовать в комнатах каждый дюйм прежде, чем Кардан переедет сюда. Я твердо решила, что он останется здесь, в самой безопасной части дворца, невзирая на его предпочтения.

Когда я вхожу, Бомба зажигает последнюю толстую свечу у камина; на таких свечках оплывший воск напоминает причудливые скульптуры. Находиться здесь без Никасии и вообще всего, что отвлекает от осмотра места, немного странно. Стены сверкают включениями слюды, потолок образован ветвями, обвитыми зеленой лозой. В передней светится раковина гигантской улитки – лампа размером с небольшой стол.

Бомба одаривает меня быстрой улыбкой. Ее белые волосы собраны на спине в косы с вплетенными сверкающими серебряными бусинками.

«Кто-то, кому ты доверяешь, уже предал тебя».

Стараюсь выбросить слова Никасии из головы. В конце концов, они могут значить что угодно. Типичная фейрийская ерунда, зловещая, но столь неопределенная, что может быть и намеком на ловушку, которую хотят расставить, и отсылкой к тем временам, когда мы еще вместе ходили на уроки. Возможно, она предупреждает, что в моем окружении есть соглядатай, а может, имеет в виду Тарин, обманувшую меня с Локком.

И все-таки я не перестаю об этом думать.

– Значит, убийца пришел отсюда? – спрашивает Бомба. – Призрак говорил, ты за ним гналась.

Я качаю головой:

– Не было убийцы. Случилось романтическое недоразумение.

Ее брови ползут вверх.

– Верховный Король очень непостоянен в любви, – объясняю я.

– Можно было догадаться, – говорит она. – Значит, ты проверишь гостиную, а я – спальню?

– Конечно, – соглашаюсь я и направляюсь к камину, вырезанному из камня в виде хохочущей пасти гоблина. Там расположен вход в потайную галерею; книжные полки все еще сдвинуты, за ними в стене открывается спиральная лестница, уходящая вверх. Я закрываю вход.

– Ты в самом деле надеешься убедить Кардана перебраться сюда? – доносится голос Бомбы из другой комнаты. – Какое расточительство – оставлять такие просторные покои пустыми.

Склонившись, начинаю брать книги с полок, открывать и трясти на случай, если внутри что-нибудь спрятано.

Из одного тома выпадают несколько разрозненных пожелтевших листочков бумаги, а с ними заодно – перо и нож из резной кости для вскрытия писем. Одну из книг кто-то выпотрошил, устроив в ней тайник, но внутри ничего не оказалось. Листы следующего фолианта сожрали насекомые. Его я выбрасываю.

– В последней комнате, которую занимал Кардан, случился пожар, – кричу я Бомбе. – Дай перефразирую. Пожар случился, потому что он его устроил.

Она хохочет.

– Чтобы все здесь сжечь, ему потребуется много дней.

Смотрю снова на книги и сомневаюсь. Они настолько сухие, что могут загореться от одного взгляда, если, конечно, достаточно долго смотреть. Вдохнув, расставляю их и перехожу к подушкам, потом скатываю ковер. Под ним не оказывается ничего, кроме пыли.

Вытряхиваю содержимое всех выдвижных ящиков на массивный письменный стол: металлические наконечники для писчих перьев, камеи с вырезанными лицами, три перстня с печатками, длинный зуб неведомого зверя и три пузырька, содержимое которых высохло, почернело и отвердело.

Еще в одном ящике нахожу драгоценности: ожерелье из черного янтаря, браслет из бисера с застежкой, тяжелые золотые кольца.

В последнем обнаруживаю кристаллы кварца, резьбой и гравировкой превращенные в гладкие шары и наконечники копий. Когда поднимаю один из шаров, внутри что-то двигается.

– Бомба! – зову я взволнованно.

Она заходит в комнату, неся в руках наряд, так густо расшитый камнями, что я бы удивилась, если кто-то пожелал его надеть.

– Что случилось?

– Ты что-нибудь подобное раньше видела? – протягиваю ей хрустальный шар.

Она вглядывается в него.

– Смотри, там Дайн.

Беру его назад и смотрю внутрь. Юный принц Дайн сидит на лошади, в одной руке держит лук, в другой – яблоки. Эловин на пони с одной стороны, Рия – с другой. Дайн подбрасывает яблоки в воздух, все они натягивают луки и стреляют.

– Это происходило на самом деле? – спрашиваю я.

– Наверное, – отвечает Бомба. – Должно быть, кто-то заколдовал эти шары для Элдреда.

Я думаю о легендарных мечах Гримсена, о золотом желуде, передающем последние слова Лириопы, о ткани Матушки Мэрроу, которая может отразить удар самого острого лезвия, и обо всей той дикой магии, которой обладают Верховные Короли.

Эти колдовские игрушки довольно заурядны, чтобы сунуть их в выдвижной ящик стола.

Я достаю все шары – посмотреть, что внутри каждого из них. Вот Балекин – новорожденное дитя, а из кожи уже торчат шипы. Он верещит на руках у смертной повитухи с остекленевшими от чар глазами.

– Загляни в этот, – говорит Бомба с каким-то странным выражением лица.

Вижу Кардана, еще совсем малыша. Одет в слишком большую для его роста рубашку. Она висит на ребенке, как плащ. Он босой, ноги и рубашка измазаны грязью, но в ушах болтаются золотые кольца – такие большие, будто кто-то из взрослых дал ребенку поносить свои серьги. Неподалеку стоит рогатая женщина-фейри, и когда он бросается к ней, она хватается за запястья, не позволяя прижаться грязной рубашкой к своим юбкам.

Женщина говорит что-то резкое и отталкивает его. Малыш падает, но она слишком занята разговором с придворными и едва обращает на него внимание. Я ожидаю, что сейчас Кардан заплачет, но ничего подобного. Вместо этого он топает туда, где мальчик чуть постарше лезет на дерево. Этот мальчик что-то говорит, и Кардан кидается на него. Его маленькая грязная ладошка сжимается в кулак, и секундой позже старший мальчик лежит на земле. При звуках потасовки женщина-фейри оборачивается и хохочет, явно наслаждаясь выходкой Кардана.

Кардан поднимает к ней лицо – оказывается, он тоже улыбается.

Убираю шары назад в ящик. Кто сберег такую вещь? Это ведь ужасно.

Однако шар не представляет опасности. А значит, делать с ним ничего не надо, и остается только положить его на место. Мы с Бомбой продолжаем совместно обследовать комнату. Убедившись, что все в порядке, идем назад через дверь с резным изображением совы в королевскую опочивальню.

Массивная кровать с балдахином расположена в центре; портьеры зеленые, с вышитыми мерцающим золотом символами Зеленого вереска. Матрас застелен мягкими одеялами из паучьего шелка, от них исходит такой аромат, словно они набиты цветами.

– Давай, – говорит Бомба, плюхается на кровать и перекачивается на спину, чтобы смотреть в потолок. – На всякий случай убедимся, что кровать безопасна для нашего Верховного Короля.

Я подавляю удивленный возглас и следую ее примеру. Под весом моего тела в матрасе образуется ложбинка, и пьянящий запах роз ударяет в нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/holli-blek/zloy-korol>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)